
This is a reproduction of a library book that was digitized by Google as part of an ongoing effort to preserve the information in books and make it universally accessible.

Google™ books

<http://books.google.com>

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE

CU59010185

891.7 N145 L

Sochinenia Akima Na

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

СОЧИНЕНІЯ
АНИМА НАХИМОВА,
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗЪ,
НАПЕЧАТАННЫЯ ПО СМЕРТИ ЕГО.

Блеснушь искусствомъ я немало не искалъ;
Что сильно чувствовалъ, то смѣло написалъ.

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1822.

Printed in USSR

891.7N145
L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ
Типографіи, представлены были въ Цензурный
Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для пре-
провожденія куда събудетъ на основаніи узаконеній.
С. Петербургъ. Іюня 12 дня 1821 года.

*Ценсоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тилковскій.*

JUN 12 1957 OM

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стран.

Мѣныя о сочиненіяхъ Нахимова	5
Описаніе жизни Акіма Николаевича Нахи-	
мова	7
Къ самому себѣ	21

I. Сатирическія сочиненія.

Предисловіе къ Россійской Грамматикѣ	29
Элегія	31
Звѣринецъ	33
Отрывки изъ Пурсоніады изъ первой пѣсни	39
— — Изъ второй пѣсни	41
Рѣдкости, которыя удалось мнѣ видѣть	44
Забавная бесѣда	46
Поэты и Машемашинъ	47
Мерзлянинъ	51
Описаніе славнаго парика	53
Пѣснь лужъ	54
Саранча	56
Отрывки изъ письма приятеля моего	58

II. Б а с н и.

Живописецъ	65
Орелъ и стрѣловъ	66
Ласточка и колоколь	67
Ошкунчикъ и Харонъ	—
Море и рѣка	69
Юлишеръ и нешопыри	—
Юлишеръ и Фавиъ	70
Цѣбшы и солнце	71
Молодой орелъ	72
Мѣльница безъ мѣльника	—
Разговоръ о соловѣ	73
Парикъ и болванъ	—
Волы и лашъ дъ	74
Свиньи и агнеючъ	75
Пчела и оса	76
Мосъка и собака на привязи	77
Былъ и алмазъ	78
Желѣзо и кузнецъ	—

Находка	79
Дуракъ и драгоценный камень.	—
Барышникъ	80
Осель въ щастіи	81
Дамонъ	82

III. Надписи.

Суворову	85
Пышному мавзолею	—
Неизвѣстному сочинителю Пѣсни Игорю.	—
Злоправу	86
Кляшу	—

IV. Эпиграмы.

Польскому Королю Попляю	89
Тарасу-авшору	—
Кляшу	—
По случаю описыванія поршрета	90
Къ Вѣшранамъ	—
Гуру	—
Скупягѣ	—
Пигмадіону	91
Кляшу	—
Къ моднымъ женщинамъ.	—
Кушейнину	92
Къ набѣленной кокеши	—
Ленарю	—
Золотой дождь	93
Ослу вельможѣ	—
Франшу	—
Фокѣ	94
Виршуозу Аншину	—
Ему же	—
Ему же	95
Бомбастусу	—
Весельчану	96
Ему же	—
Кляшу	—
Глушону	97
Чортѣ и Смерть	—

Вопросъ Француза и отвѣтъ Русскаго	97
Гораціеву подражанію	98
Ему же	—
Ему же	—
Педанту сочинившему эпиграмму	—
Сновидѣніе	99
Христову	—
Подвѣчю	—
Глупому Спихошворцу	—
Безбожнику	100
Федулу	—
Сялу	—
Прекрасному, но глупому мужицѣ	—
Гуру	101
Ему же	—
Танцмейстеру Легкоскопу	—
Клику	102
Невброшый слухъ	—

V. *Эпиграмы.*

Петру Великому	105
Завоевателю	—
Надушову	—
Вельможѣ	—
Моисеу, погибшему отъ любви	106
Аннину виршуозу	—
Ему же	—
Ему же	107
Ему же	—
Денарю	—
Игроку	108
Бардусу	—
Одному молодому человѣку	—
Г У	109
Высокоученному	—

VI. *Разныя жѣкія стихотворенія.*

На полученіе Нандидашскаго достоинства	113
Стихи по прочтеніи Сумарокова	114
Похвала гусиному перу	—

Форшуна	115
Къ абышорой шкатулкѣ	—
Зеркало и урокъ	116
Сравненіе	—
Кончина одного молодого, знатнаго и бога- шаго человека	117
Собаки	—
Къ людямъ	118
Спихи на пушкѣ изъ города въ деревню	—
Цѣшочникъ	—

VII. Лирическія сочиненія.

Позѣвъ	121
Злашее время	124
Осень	126
Къ Россіи	127

VIII. Статьи Свѣщеннаго содержанія.

Пѣснь върѣ	131
Совеѣтъ	138
Молишва	—

IX. Прозаическія сочиненія.

Сказаніе о Оемнѣхъ и объ иноплеменныхъ приказныхъ	141
Историческое и философическое разсуж- деніе о блохѣ	150
Словесныя обезьяны	155
Разговоръ между двумя мертвецами и Мер- куриемъ	165
Нѣчто объ укъ и просвѣщеніи	174
О памяти	178
О различіи между памяшью, воображеніемъ и разсужденіемъ	182
Взглядъ на прозѣбу къ Александру I досто- нѣйшаго сына Фельдмаршала Румянцова - Задунайскаго	185
Примѣръ правительсшва сильнѣе законовъ	188
Гимнъ славы	192

МНѢНІЕ О СОЧИНЕНІЯХЪ НАХИМОВА.

Сочиненія Нахимова ни мало не похожи на шапія, копорыя до тѣхъ только порѣ и живущѣ, пока они на языкѣ у самаго автора. Въ нихъ видна равная степень изобрѣшательности и опдѣлки. Правда, пороки, копорые онѣ разилѣ, по гнусности своей, разнообразны до безконечности. Но признашся надобно: чѣмѣ шруднѣе брашь ихъ истинно сатирическія спороны, тѣмѣ болѣе пошребно искусства и остроумія для того, чтобы сдѣлать ихъ пріятными даже тѣмѣ, отъ кого они заимствованы, и не оскорбишь пошлаго чувства людей образованных. — Нахимовѣ успѣлъ въ этомѣ совершенно.

Забавно для насѣ одно только, именно: многіе, разумѣшся такіе, копорые уже не споятѣ бумаги и гернилѣ, берутѣ нѣкопорые опривки его прямо на свой щепѣ. Всякой подумаетѣ, что такіе вмѣняютѣ себѣ въ честь — видѣть шочное изображение себя въ печатной книгѣ и еще стихами, да и опмѣнными!

Замѣшимѣ для шаковыхъ, что критика, сатира и пасквиль, сколько по видимому ни похожи другѣ на друга, но разнятся между собою чрезвычайно. Всѣ шри имѣютѣ въ

предметъ—выспавлять недоспапки произведеній чловѣческихъ; но

Критика показываеѣтъ погрѣшности и ошибки для того, чѣобы воспользовался замѣчаніями томѣ, къ кому они опносятся. Припомѣ справедливый кришкѣ замѣчаеѣтъ и совершенства.

Сатира показываеѣтъ одни недоспапки и остроумно осмѣиваеѣтъ ихъ, не касаясь личности тѣхъ, въ комѣ замѣчающся сіи недоспапки.

Пасквиль также показываеѣтъ недоспапки и осмѣиваеѣтъ ихъ; но пуѣтъ сочинитель указываетъ именно на какое нибудѣ лицо. А поелику въ образованныхъ обществѣхъ всякой такой поступокѣ противенѣ благоприсойности и при томѣ вреденѣ для описываемаго лица, то такая сочиненія строго запрещающся.

Кудажѣ теперь опнесемѣ мы сочиненія Нахимова? Конечно ко второму роду. И смѣшенѣ будетѣ томѣ, кто превращитѣ сатиру въ пасквиль для себя.

(Украинской Вѣстникѣ 1816. N I.)

Въ концѣ прошлаго 1818 года вышла въ С. Петербургѣ книжка (*) подъ названіемъ: *Память о Харьковскомъ Стихотворцѣ Акимѣ Николаевичѣ Нахимовѣ*, написанная Докторомъ В. Масловичемъ. Въ сей *Памяти* помѣщены крашкая біографія и скромное замѣчаніе на оба изданія его Сочиненій. Въ самомъ началѣ ея, послѣ не новыхъ впрочемъ понятій о любви къ родинѣ, изложены также очень благовидно и побужденія, привлекшія сочинителя къ жизнеописанію Харьковскаго пѣвца: —это собственная его любовь къ родинѣ (стр. 6) и признашельность къ дарованіямъ Стихотворца Нахимова (стр. 7) (**). Каковы бы впрочемъ ни были сіи побужденія, прудѣ Г. Масловича, предпріяшый для чесши

(*) Напечатана въ типографіи Н. Греча.

(**) Да будешъ позволено едѣлашь здѣсь не уступающее въ скромности замѣчанію Г. М. шановое. были причины, гораздо сильнѣйшія вышеприве-

единоземца, дѣйствительно былъ бы похваленъ и принесъ бы самому ему честь, если бы онъ память объ немъ, или біографію, составилъ основательную и справедливую; но, къ сожалѣнію, сего въ ней нѣтъ. Всякой, кому только угодно заглянуть въ *Память Г. М.*, сравнивъ ее съ точною, ниже сего изложенною его біографіею, почти на каждой страницѣ найдетъ анахронизмы и другія несообразности. И не удивительно: Г. М. писалъ ее по слуху, въ чемъ однакоже не признался, сѣдовательно въ его сочиненіи нѣтъ и искренности; но что, всего удивительнѣе, что Г. М., бывъ самъ любитель и производитель стиховъ, не постигъ насмѣющаго характера Нахимова изъ его стихопвореній, и ошъ того приписалъ ему одну скромность, на какихъ-то страницахъ его основанную (стр. 22). Все вышесказанное подало

денныхъ Сочинителей побужденій, кои, какъ сказано, вырвали у него столь поспѣшное и ошъ того во многомъ нескладное изданіе памяти о *Х. С. Нахимовѣ. Изд.*

поводъ при семъ прешлемъ изданіи помѣ-
стись, вмѣсто предисловія, краткую, но
болѣе точную біографію Нахимова, то есть
безъ анахронизмовъ, и настоящій характеръ
Сочинителя изображающую.

Акимъ Николаевичъ Нахимовъ, Кандидатъ
Императорскаго Харьковскаго Универси-
тета и Авторъ издаваемыхъ теперь сочине-
ній, родился Слободскою Украинскою Губернію
въ Богодуховскомъ уѣздѣ отъ впорога брака
Поручика Николая Мануйловича Нахимова
съ дворянкою Сербскаго рода изъ фамиліи
Райковичей, а умеръ уже помѣщикомъ Харь-
ковскаго уѣзда въ той же Губерніи. Преклон-
ность лѣтъ отца и слабое сложеніе матери,
вѣроятно, были причиною, что оба брата,
отъ сего брака рожденные, также не крѣпки
были тѣломъ и не долговѣчны (*). Но это
не мѣшало выпренности духа и силъ даро-

(*) Меньшой братъ покойника одного былъ съ нимъ
сложенія и умеръ отъ той же болѣзни Шматс-
Готтиспрома въ ошеставѣ, почти однихъ лѣтъ.

ваній. Сіе наипаче доказав собою описываемый нами Авпоръ. Сложеніе его было нервное, въ высочайшей степени удоборадражимое; пасмурная погода и всякое огорченіе поражало его необыкновенно и шягопило безъ мѣры. Даръ — насполцаго Генія. Можно привести этому два свидѣтельства: первое собственноручную его записку, дѣланную имъ о себѣ для бывшаго извѣстнаго Доктора Трофимовскаго и найденную по смерти при разборѣ бумагъ. Въ сей запискѣ говоритъ онъ, что въ 15 лѣтъ онъ уже имѣлъ такое воображеніе, что для него пища въ семъ мірѣ не было — онъ чего онъ не рѣдко приходилъ въ опчяніе. Второе, что онъ писывалъ всегда не приготавлиаясь, а когда только внушрняя сила его приходила въ сотрясеніе. Въ это время взоръ его дѣлался необыкновенно сверкающимъ и разноцвѣтнымъ, и въ это-то время онъ изливалъ мгновенно негодованіе свое на пороки и гнусности людей. Природа, особенно, кажется, вліла въ душу его чувство отвращенія ко всему несправедливому

и смѣшному, впечатлѣнія коихъ дѣйствовали на него до изступленія.

Первое начало образованію своему положилъ онъ въ Благородномъ Московскаго Университета Пансіонѣ, гдѣ еще въ юныхъ лѣтахъ замѣчена въ немъ особенная способность и склонность къ упражненіямъ въ Словесности, и нѣкоторыя изъ *опытовъ* его въ ней помѣщены въ издаваемыхъ тогда Журналахъ. Поступивъ потомъ въ военную службу, именно въ Мариупольской Гусарской полкъ Юнкеромъ, больше изъ обыкновенія, существующаго въ сословіи Россійскаго дворянства, нежели сколько по склонности, не долго въ ней оставался, а вышедши въ отставку тѣмъ же чиномъ, отправился въ С. Петербургъ для опредѣленія къ спанскимъ дѣламъ. Въ сіе-по время испыталъ онъ жребій, каковому нерѣдко подвергаются пылкость и не опытность молодыхъ людей; жребій, доставившій ему случай узнать споль основательно жрецовъ и причетниковъ

какъ онѣ самѣ выразился, храма *Фемиды*, (*) поселивъ въ душѣ къ поступкамъ ихъ омерзѣніе, и когда и дальнѣйшіе опыты въ жизни продолжали увѣрять его въ томъ же, описать оныя такими рѣзкими чертами, какими наполнены его сочиненія объ нихъ. Сей случай глубочайшее сдѣлалъ въ немъ впечатлѣніе, и онѣ не забылъ въ баснѣ своей *Молодой Орелъ*, въ концѣ которой, въ предостереженіе подобнымъ ему, говоритъ:

„О пылкой юноша! не шоронися въ свѣтѣ:

„Чѣмъ пламенище ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.“

Послѣ столь неудачнаго вступленія въ свѣтѣ по гражданской службѣ, которую и долженъ онѣ былъ оставишь, возвращеніе его изъ Столицы въ домъ послѣдовало точно почти въ самое время открытія Университета въ Харьковѣ. Сколько любовь къ познаніямъ и удобность приобрѣсти оныя въ семъ мѣстѣ, столько не меньше справедли-

(*) Смощи описаніе путешествія *Фемиды*, или сказаніе о *Фемидѣ*.

вое желаніе сущесивоватъ морально—внесли имя его въ списокъ своеюшпныхъ Студентовъ. Обладавъ уже основательно языками Нѣмецкимъ, Французскимъ и Англійскимъ, равно и теорією Словесныхъ наукъ, въ продолженіе прехгодичнаго съ половиною курса, онъ преимущественно знакомился съ Греческими и Латинскими классиками, для чего даже бралъ уроки партикулярно, и практическою Словесностію. Оканчивается курсъ, цѣль достигнута, ревность и успѣхи въ наукахъ получающъ должное воздаяніе — степень Кандидаша; время полученія диплома на сіе достоинство было пою торжественною минушою, въ которую онъ воскликнулъ: „Се изъ ничтожесива внезапно извлечеш!“ (*) Ключъ же выразумѣнія сего восторга въ предыдущихъ спровахъ находишся.

По столь опличномъ окончаніи учебнаго, шанъ сказаць, карьера въ Іюнѣ 1808 года, мысль объ устроеніи себя на будущеевремя заняла нашего Автора. Почему опсправившись

(*) Смощри списки на Кандидашское достоинство.

въ деревню, родителемъ ему въ наслѣдство назначенную, принявъ ее подъ надзоръ свой, стараясь между тѣмъ пріискать себѣ достойную подругу жизни. Вскорѣ Промыслъ указалъ ему шановую (*) по сердцу, въ собесѣдствѣ, съ кою и вступилъ онъ въ супружество въ Генварѣ 1810 года. Въ сіе-по время оставялъ онъ не мирные лѣса (**). (ибо деревня его лежила больше въ степныхъ мѣстахъ), а мирный кровъ свой и семейныя удовольствія, для преподаванія Словесности въ курсѣ, для гражданскихъ чиновниковъ, учрежденномъ при Харьковскомъ Университетѣ. Будучи попомъ убѣждаемъ домашними обстоятельствомъ и неудобностию поѣздки, для одной лекціи въ недѣлю, почти за пятьдесятъ верстъ, и не докончивши, оставилъ оный въ половинѣ 1811 года. Около сего времени начали ему въспрѣчаться, одно

(*) Въ фамиліи дворянъ Бежановыхъ.

(**) Смощри. Память. М. сѣри. 23.

за другимъ, родственныя и семейныя огорченія, сильно подѣйствовавшія на состояніе его здоровья и самой жизни. Вдругъ лишается онъ любимой сестры, потомъ погребаетъ почтеннаго родителя; возвращается въ домъ и находитъ единственную опору свою — единственнаго сына — первенца при послѣднемъ издыханіи. Смерть, не пощадившая сего малюшку, поразила горестію отца его до такой степени, что съ сей поры справедливо полагаешь надобно начало и собственнй его кончины. Хотя всеблагодарному Промыслу угодно было скорѣе утѣшить его рожденіемъ дочери, и потомъ другой; но прежнее здоровье его никогда уже не возстановлялось. Наконецъ усиливающаяся слабость довела его до чахоточной лихорадки (*) (febris hectica), отъ коей онъ и скончался на 33 году своего возраста Юня 17, 1815 года. (**)

(*) Память М. стр. 31.

(**) Надъ гробомъ его учрежденъ престолъ во имя С. Іоакима и Анны почтенною вдовою покойника.

Здѣсь по порядку слѣдовало бы сказать иѣ-
 что о наружности Нахимова; но поелику онѣ
 самѣ себя лучшимъ образомъ изобразилъ въ
 слѣдующей ниже сего піесѣ къ самому себѣ,
 то я и умолчу объ ней. Нельзя однакожь ос-
 оставить безѣ всякаго замѣчанія тѣ мѣста
 изѣ *Памяти* Г. М., въ коихъ онѣ говоритъ о
 костюмѣ, образѣ жизни, добродѣтеляхъ и
 недоспашиѣ Нахимова (*). По всему видно,
 что Г. Сочинитель *Памяти*, выпавивши
 единожды Героя своего съ какою-то ориги-
 нальною скромностію—и во всемъ, припи-
 савши оную спранныямъ, коими онѣ из-
 обиловалъ (спр. 22), былъ уже въ необходи-
 мости выдержавъ себя и наполнивъ означен-
 ныя спранныи до такой
 степени! Почести сказать онѣ слишкомъ вы-
 исканы и увеличены. Это правда, что Нахи-
 мовъ не принадлежалъ къ числу щёголей
 (пешиметровъ), коихъ осмѣивалъ, но одѣвалъ
 всегда опрятно и прилично; въ худую же
 погоду, во время дождя, прохаживавъся

(*) Онѣ спр. 32 до 36ж.

(спран. 33) въ одномъ новомъ фракѣ вовсе не могъ попому, что здоровье его не позволяло, и онъ вообще любилъ купаться; жилъ также соопшвенственно своему роду и доспашику, занимая всегда при или два чистыхъ и свѣтлыхъ покоевъ (шамъ же), а послѣ и весь домъ, имѣя припомъ доспапочную прислугу; поже надобно сказать о зашворѣ оконъ и дверей, свѣчѣ среди дня при дѣйствіи пшшического восторга. (шамъ же). Однимъ словомъ, бывши ему поварищемъ и прішелемъ съ начала до конца курса по Университету, я не замѣтилъ подобныхъ въ немъ постоянныхъ оригинальностей, коимъ случайности — имѣя свое исключеніе, — всегда прошивополагаются. Самое благоразуміе велишъ сюда причислишь все сказанное Г. М. о Нахимовѣ, равно и фризый верблюжьяго цвѣшу сершукъ, карпузъ особеннаго покроя и суковашую палку (спр. 32). Скажемъ нѣчто и о сиромности, справедливо М. замѣченной, но только и она не была единшвенною; а по вовсе несправедливо, будто бы она происходила отъ спранностей.

Источникомъ оной было честолюбіе, которое у Нахимова, *si licet parva comperere magnis*, было, такъ сказать, Суворовское. А кто дерзнетъ подумать даже, что скромность сего безсмертнаго Героя происходила отъ спранныстей? Всякой, окомъ любознательнымъ взглянувшей на Сочиненія Нахимова, не посмѣется моему сравненію; и разнородные геніи въ одномъ чемъ либо могутъ встрѣпиться. Наконецъ должно бы сказать здѣсь что либо какъ о добродѣтеляхъ, такъ и недоспашкахъ описываемаго; но я оставляю сіе: и пѣмъ и другимъ доспойную цѣну воздасть можетъ одно только правосудіе Божіе; намъ же смертнымъ долгъ великъ слѣдовать первымъ и прощать послѣдніе. Въ заключеніи сего жизнеописанія Издапель Нахимова долгомъ пославляешъ указать нѣкоторыя анахронизмы Г. М. относително его сочиненій сдѣланные, и отвѣчать на скромныя его замѣчанія: 1) на неправильное раздѣленіе оныхъ при изданіи, и 2) на непомѣщеніе нѣкоторыхъ. Насчетелно перваго довольно ска-

зашь, что еще при первомъ изданіи ясно означено было время, когда нашъ Авторъ большую часть написалъ—эпо пребываніе его въ Университетѣ; почему ошибочно Г. М. опнесъ означенныя (*Пам.* на стран. 28) сочиненія къ позднѣйшему времени, и особенно разсужденіе о словесныхъ обезьянахъ къ 1812 году: оное написано еще въ 1807 году, что доказываея подлинникомъ его руки—и тогда уже духъ Нахимова предвидѣлъ участь сихъ словесныхъ животныхъ! Далѣе—что я помѣстилъ и въ первомъ и во второмъ изданіяхъ—*звѣринецъ* въ разрядѣ Саширическихъ сочиненій, а не въ число Басень. Въ семъ послѣдовалъ я распредѣленію самаго Сочинителя, еще при жизни имѣсѣланному, по коему вообще первое изданіе и напечатано. Мысль, что Сочинитель не меньше меня и самаго Г. М. разумѣлъ роды, или классификацію сочиненій, совершенно убѣдила меня не дѣлать въ томъ никакой опмѣны. Наконецъ Г. Сочинитель *Памяти*, поимѣнявъ мнѣ за то, почему я наравнѣ съ *Мерзлякинѣмъ* не поспа-

вѣлъ похвалы гроху и стиховъ рожку, хотя самъ же и оправдываетъ меня коротенькимъ разсужденіемъ о выборѣ предметовъ. Однакожь я позволю себѣ замѣтить, что упрекъ сдѣланъ мнѣ неосмотрительно, по естѣ, не вникнувши въ содержаніе *Мерзилкина*, которое весьма хорошо указываетъ на гибельное слѣпопослѣдованіе, съ какимъ препоручалось нѣкогда воспитаніе Пурсоньякамъ, ядоносныхъ коихъ наспавленія породили не одного Мерзилкина. Спасься можетъ, что и сіе прешье изданіе покажется Г. М. не во всемъ полнымъ, ибо не всѣ сочиненія помѣщены и нѣтъ онымъ разборовъ. Въ отвѣтъ на сіе скажу, что первые не всѣ помѣщены бытъ могутъ, а послѣдніе признаюся вовсе не нужными.

Д. Б.

 КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Престань Нахмуривъ злобу свѣща
 И жребій свой ты промлинашь;
 Послушай моего совѣща,
 И ты забудешь посковать.

Судьба тебѣ опредѣлила
 Въ семъ мірѣ нѣсколько пожить;
 По милости своей рѣшила
 Тебя въ число людей видѣтишь.

Такъ сдѣлалось, какъ ей угодно:
 Ты чувствуешь, что ты живешь;
 Летаетъ мыслями свободно,
 Спишь и ходишь, ѣшь и пьешь.

Чегожь, безумный, ты желаешь,
 И жребій свой за что клянешь;
 Тоскуешь, бѣсишься, мечтаешь,
 Съ досады волосы дерешь? —

Тогожь, что жизнь твою не вѣчна,
 Что будешь ты ничто — опять;
 Что дни твои такъ скоропечны,
 Всегда что долженъ смерти ждать;

Что ты не созданъ Исполниомъ, (*)
 Вольшеръ какого описалъ;
 Или Аммова (**) славнымъ сыномъ,
 Предъ коимъ свѣшъ весь пренешалъ.

Сокровищъ Креза не спяжаешь,
 Не столь премудръ, какъ Соломонъ,
 Не шавъ красно мысли выражаешь,
 Какъ Демосѣенъ или Цицеронъ;

Не можешь шавъ играшь на лирѣ,
 Какъ славный Тимоѣй (***) игралъ,
 И дерзосшно паришь въ ѳеирѣ,
 Какъ ибкогда парилъ Дедаллъ (****);

Предесшнаго Альцибиада
 Что ты не одаренъ красой,
 И милой Нимфы ибжна взгляда
 Павнишь не можешь ты собой.

Не знаешь свѣшска обращенья:
 Задумчивъ, медленъ, нелюдимъ;
 Не любишь шумнаго веселья:
 Суровымъ кажешься и злымъ;

(*) Мекромегасъ.

(**) Такъ называли Ливійскаго Юпишера. Александръ Македонскій наименовалъ себя его сыномъ.

(***) Милешяпинъ, музыкальный стихотворецъ, процвѣшавшій около 340 года до Рожд. Хр. при Александрѣ Великомъ.

(****) Извѣстный Аѳинскій художникъ, спроевшій Лабиринтъ въ Криштѣ, въ кошорой и былъ посаженъ первой вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Иваромъ, но ошкуда спасся прилѣвши крылья къ своимъ и его плечамъ.

Что ты совсем почти явнешь,
 Как должно съ дамой говоришь
 Подсышь подь бомъ ты къ ней не смѣешь,
 Не можешь въ модномъ свѣтѣ жить.

Не то ли духъ свой возмущаешь,
 И не даешь покойно спать;
 Тебя не то ли заставляешь
 Всегда на жребій свой ронять?

Или о будущемъ мечтаешь,
 Въ немъ бѣдствія грозящи зришь,
 И ихъ всечасно ожидаешь,
 Черезъ же себя несчастнымъ члвишь.

- Оставь мечту сію нехоту
 И впредь пущаго не желай;
 Преснись въ шоску вдаваясь слабо,
 Печали мнимы презирай.

Судьба, или Божье провидѣнье
 Тебѣ желало произвестъ
 Не для того, чтобъ лишь мученье
 Тебѣ въ семъ мірѣ перенестъ.

Оно премудро, совершенно,
 Ты въ томъ увѣренъ долженъ быть;
 Законъ его всепремѣнной,
 Чтѣбъ пварямъ всѣмъ благошворишь.

Но слабый смертный не измѣришь
 Душей невидимыхъ Его;
 Колеблешься, волишь, не вѣришь,
 Трепещешь часно ошъ всего.

За шѣмь-шо долженъ шы рѣшиться,
 Чшобъ впрядь великодушнѣй бышь,
 И что съ шобою ни случился,
 Съ шерифнѣемъ всё переносишь.

Ошъ мнимаго добра прямое
 Всегда старайся ошличашь,
 Чшобъ привидѣнїе пущое
 За щастїе не почиашь.

Люби всемъ сердцемъ добродѣтель
 И мнѣнїямъ не вѣрь людскимъ;
 Пущь совѣшь будешь лишъ свидѣтель
 И мыслямъ и дѣламъ швоимъ.

Досшигнушь мудрости старайся,
 Себя наиболѣе познай;
 Душею къ Богу приабляйся
 И въ ближнему любовь нишай.

Гнушайся глупымъ суевѣрьемъ,
 Нелѣпы бредни презирай;
 Не пышносшью, но просвѣщенемъ
 Себя ошъ чернїи ошличай.

Бѣги прищворсшва и обмана;
 Боярамъ знаншымъ шы не лѣсши:
 Въ различныхъ орденахъ болвана
 Болваномъ, а не богомъ чши.

Хощь лѣсшью шо себѣ доставишь,
 Чшо будешь въ леншѣ и съ кресномъ;
 Но щасшьямъ шы чрезъ шо не станешь,
 Коль щасшья къшв въ шевѣ самомъ.

Литишь прямо шовъ блаженъ, ишо чешенъ,
 Находишь сладость ишо въ добрѣ:
 Хошь въ мирѣ онъ не шакъ извѣстенъ,
 Но онъ спокоемъ самъ въ себѣ.

Для добраго ишвъ бѣдства въ свѣтѣ,
 Оно злодѣямъ лишь грозитъ:
 Такъ Богъ сказалъ въ своемъ завѣтѣ,
 И шакъ намъ здравый умъ гласитъ.

Хошь смершныхъ часто обольщаетъ
 Богашство, слава, красота;
 Но все шо гинишь, исчезаешь,
 Какъ будшо пыль, или мечка.

Одно добро лишь неизмѣнно:
 Его источникъ есть самъ Богъ!—
 Когдабъ всегда ты несомѣнно
 Въ сихъ мысляхъ пребываешь возмогъ:

Тогдабъ ты щастьемъ наслаждался
 Среди самыхъ гореснѣйшихъ дней,
 И смѣло въ цѣли приближался
 Сей жизни временной своей.

Того смерть только устрашаетъ
 Злодѣйства ишо всегда шворишь!
 Прошедшее его шерзаетъ,
 Ошрады въ будуи емъ не зреть.

Взгляни на злобнаго Нерона,
 Какъ умиралъ ужасно онъ;
 Сравни Сократа, Фокіона:
 Кочина ихъ . . . прижизнѣи сонъ.—

О семъ Нахимовъ ны прилѣжно
 Всегда какъ спанешь размыслишь,
 То будешь мирно, безмятежно
 Свою ны жизнь препровождашь.

Хотя бы землю съ швердью всею
 Грозилъ бездна поглоснишь,
 Но мужа праваго душою
 Ни что, ни что не усстрашишь (*).

(*) Найдено написанное на печатной книгѣ послѣ
 первыхъ двухъ изданій при разборѣ библюшени
 Сочинишел.

1.

САТИРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ НЪ РОССІЙСКОЙ
ГРАММАТИКЪ (*).

Блаженъ, кто въ жизни сей съ указкой межъ пер-
ствоѡ,
Прошедъ сквозь юсѡ и кси, достигнулъ до складовъ,
И шаго въ бра и дра прилѣжно углублялся;
Чей умъ во чтеніи довольно подвизался,
И наконецъ, явѡ въ писаніи успѣхъ,
Россійской грамошѡ взомелъ на самый верхъ.
Какъ уголь ошѡ золы, шапъ ошѡ невѣждѡ ошлгченъ,
Кшо рисовашѡ азы способенъ и привыченъ:
Почтенъ ошѡ всѣхъ шакой премудрѡй человекѡ,
И передъ нимъ ничто кузнечѡ и дровосѣкѡ. —
Въ Россіи изшари ведущѡ грамошѡ,
Преборзые писцы, прехитры крѡчководѡ,
Кожорыхъ дивная, пернашѡя рука,
Какъ лошадѡ почшова косѣщна и прышка.
Реченныѡ руки подѡ гибкими першѡми
Плодяшѡся лишеры съ различными хвосшѡми.
Писашѡ — велика вещь, достойная шрудовъ;
Но лязялѡ безѡ горесни взирашѡ на шѣхъ писцовъ,
Кожоры пишущѡ шапъ проворно, крѡчковашѡ,
Да шолько безѡ пуши, не ясно, длинновашѡ?
Тарабарщина плодѡ ихъ жалкаго перѡ! —
Подобно до врементѡ Великаго Петра

(*) Чисанное Сочинишелемъ при началѡ курса Слѡ-
весноешѡ для Гражданскихъ Чпновниновъ.

Изъ лыкъ сандалін Чухонцы сопледали,
 Однако же они искусства въ шомъ не знали;
 Но лишь Монархъ на нихъ вниманье обращалъ,
 Чухонской лапоть вѣдъ новой получилъ. (а)
 Россійской Грамотѣ полезно шо и нужно,
 Чшобъ жить съ Грамматикою всегда въ связи и
 дружно.

Являющъ опыты, что безъ науки сей
 Калѣна, иль сѣвцеѣ несчастный грамотѣй! (б)
 Искусно съ глазъ его бѣльмо она снимаетъ;
 О чудо! грамотникъ внезапно прозираетъ;
 Какъ солнце Азбука тогда предъ нимъ блестятъ.
 Не вѣря самъ себѣ, онъ съ изумленьемъ зрѣтъ
 Разнообразныхъ словъ начало, родъ и свойство,
 Премѣны дивныя и чудное устроѣство!
 Прозрѣвшій грамотѣй не оцупью идетъ,
 Въ писаніяхъ его шарбарщяны иѣтъ;
 И слава громкая повсюду возвѣщаетъ:
 „Такого-шо писца ужъ всякой понимаетъ!“

-
- (а) См. сказаніе о *Петрѣ Великомъ* Якова Штетлина.
 (б) Туна Орашорія, носнойзычна Поэзія, несно-
 вательна Философія, неприятна Исторія, со-
 мнительна Юриспруденція безъ Грамматикъ. —
Домоносевъ.

ЭЛЕГИЯ.

Восплачь Канцеляристъ, Повышчикъ, Секретарь,
 Надсмотрщикъ возрыдай и вся припазна живарь!
 Ланципы въ горести чернилами напише
 И въ перси перьями другъ друга поразише:
 О сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
 Зрящъ шучу спрашную палашы надъ собой,
 Кошорой молнія грозишь вамъ просвѣщеньемъ,
 И анциденцій всѣхъ и ябѣдъ исребленьемъ.
 Какъ древо сокрушенъ падешъ подъячихъ родъ;
 Увы! насмалъ для васъ шеперь плачевный годъ!
 Какія времена! должны вы слушашъ курсы,
 Судебныя мѣста всѣ превращашся въ Бурсы.
 Ахъ! естли бы воскресъ одинъ хошь Думной Дьякъ
 И съ челобитною являсь предъ Царскій зракъ,
 Чѣмъ заслужили гибѣи мои, вослинуулъ, внуки,
 Чшо посылаюшся къ нимъ палачи науки?
 Ты хочешь, чшобъ ошъ жѣ немилосердыхъ рукъ,
 Разправился, или переломился крюкъ.
 О солиде! не лишай шы филиновъ зашмѣнья!
 Да крюкъ пребудешъ крюкъ по силѣ Уложенья!
 Но чшо! гдѣ Дьякъ и гдѣ прошеніе къ Царю?
 Бѣда Коллежскому шеперь Секретарю.
 О чинъ Ассесорскій, шѣлико вожделѣнный!
 Ты убѣгаешъ днешъ, когда я восхищенный
 Мнилъ обнимаю шѣбя, какъ друга, какъ алшый;
 Бышь можешъ — на всегда проси любезный чинъ.

Сколь тяжко для меня, сшепенна человека,
 Учишься начинаешь, проживши ужъ польвѣе.
 Какія каверзы, какое зло для насъ
 О просвѣщеніи гласящій намъ Указъ!
 Друзья! пока еще не свѣшло въ нашемъ мірѣ,
 На счетъ просишелей пойдѣмъ гуляшь въ пракшурѣ;
 Съ опчаянъя начнемъ какъ можно больше драшь:
 Свѣшъ близокъ—должноли ворамъ теперь дремать?

ЗВЪРИНЕЦЪ.

Ученый Усбурхумъ недавно описалъ
 Предревнй манускриптъ на языкѣ Еврейскомъ,
 И въ ономъ начисалъ,
 Что при Царѣ Халдейскомъ,
 Не знаешъ точно при каномъ,
 Жилъ былъ Халдей Салванаварадомъ. —
 Не столь о языкѣ Французскомъ мы радбемъ,
 Какъ къ скопскому онъ прилжалъ
 И шакъ въ немъ успвалъ,
 Чтоговорилъ съ Осломъ, какъ будто бы съ Халдеемъ.
 Ншгъ гдѣ, а нашъ мудрецъ все со звърми:
 Съ скошами для него жить лучше, чѣмъ съ людьми.
 Лишь шолько разсвѣшешъ, ужъ онъ спшшшъ въ
 звъринецъ
 И звърю каждому несешъ съ собой гостинецъ:
 Иному сѣна пукъ, другому мяса кусъ.
 Вспрѣчающъ всѣ его; и Заецъ шумъ не шрусъ;
 Нъ Халдею Левъ, Тигръ даже льсшился!
 Одиъ Осѣлъ косишя:
 Не хочешъ раздѣлшя
 Съ Козломъ гостинцемъ пополамъ:
 Меня равняшъ козламъ!
 Нѣшъ, брашъ, хошъ я шеперьшую шраву съ скошами,
 Но прежде съ господами
 Я шушалъ за одиъмъ шоломъ:
 Былъ въ жизни человекъ, по смерти шалъ Осломъ!
 Я Шляхшичь Гургигридрасъ: не смѣй шумишъ
 со мною,
 Иль формою суда развѣдаюшъ съ шобою! —

Какъ жалко мнѣ, вскричалъ съ насмѣшкою Халдей,
Что прежде не имѣлъ ты длинныхъ сихъ ушей.

Для Шляхшича онъ великая прикраса;

Знавалъ я Гурггарндраса;

Всѣмъ шанашъ, всѣхъ лизашъ,

Сливу предъ всякимъ погибашъ,

Его шо было дѣло:

Кто подлѣ, на счастье шомъ всегда надѣйся смѣло!

Халдеевъ сей ошѣвшъ понравился Козлу,

Онъ гордо подошедъ къ Ослу,

Таки заблелъ, шряся по гнѣвѣ бороною:

Мнѣ низко гово... съ Шляхшою шакою:

Я прежде былъ Пана, шомъ дивный Беккон-
носъ,

Чей въ свѣшъ славился огромношю носъ.

Въ Сераалцѣльнѣмъ вѣнѣ, какъ въ маслѣ сырѣ напался,

И съ Хрюхряхрюсомъ лишь въ богатствѣхъ не
равнялся.

— Да, хрюкнулъ Боровъ вдругъ, имѣлъ я съ миліонъ!

— А пользы ошъ шого? спросилъ сердито Слоиъ.

— Та польза, что всегда я былъ ужасно шученъ!

— Да сшалъ ли чрезъ шебл другой благополученъ?

— Не много, Слоиъ, шенерь найдешъ глупцовъ
шанихъ,

Чтобъ думали и о другихъ:

Свѣшъ нынѣшній наполненъ мудрецами!

— Кошоры, Слоиъ взревѣлъ, зашопавши ногами,

Досшойны бышь, какъ ты, Свиньями!—

Да ты намъ не указъ! прикрикнула Лиса:

Въ наукѣ жишь съ людьми не зналъ ты ни аза,

Хоша великимъ ты Миншспромъ слылъ Хал-
дейскимъ;—

Вомъ я шо мудрецомъ могу почешься свѣшскимъ.

Ласкаются ко всемъ съ умильнѣйшимъ лицомъ,
 Назалась другомъ всемъ и всемъ была врагомъ,
 Достоинства людей мѣнками измѣрля,
 Для пользы и Ословъ хвалами осынала,
 И въ силѣ черезъ шо у знасныхъ я была:
 Съ шобою, грубый Словъ, лишь сладить не могла!
 Но вашей брашнѣ не много вѣдь въ Сшолкиѣ,
 Тамъ нечего о васъ заботишься Лисциѣ. —

Халдей,

Мохнашихъ слушаю людей,

Дивился —

И порознь каждаго оиъ распросишь рѣшился,
 Въ какомъ ншо званіи при жизни состоиалъ?

Я былъ Судья, Медвѣдь сказалъ,

И кому не одну съ невинности содралъ!

Я назывался Ворворворомъ. —

И ты былъ не Судьей, а сущимъ живодѣромъ!

Рычалъ великодушный Левъ,

Сверкая глазами, разинувъ страшный зѣвъ. —

— Я прошесшуюся! вскричала Россомаха:

Смошрише! судія смердншвъ уже оиъ страха;

Послушникомъ сицевымъ обижена я,

Понеже въ должности была Секретшаря;

Левъ будешь подъ судомъ по моему прошенью,

И карачувъ дадимъ всему его имбью! —

— А ты Волкъ, чѣмъ служилъ?

Халдей у Бирюна спросилъ.

— Я шомъ, какъ и Медвѣдь, присяжный ножъ
 сдирашель —

Въ Палашѣ Предсѣдшатель.

— А ты, Барсукъ?

— Я шакже былъ приказный крюкъ;

Но не лупилъ людей, какъ будшо бы скошину,

А сиромо продавалъ законы по ашпыгу! —

Ну! шы, Олень, скажи, кто прежде былъ шаковъ?

—Я былъ охотникъ Люблюйсовъ:

Въ ошбѣзжемъ полѣ машь когда звѣрей шравила,
Верхомъ меня родила;

И мой ошецъ охоту шайбъ любилъ,

Чшо въ псарнѣ съ гончими и спалъ, и вѣлъ, и пилъ.

Я шакже, будучи ихъ одаренъ геройшвомъ,

Не славъ жертвовалъ, но дичинѣ спойшвомъ!

—А ваша честь, кто вы, Суровъ?

—Разбойничекъ, шо есть, каршежный я игрокъ!

Тузомъ и двойкою я нажилъ капишалецъ!

—А шы, слѣпой красавецъ,

Чшо шы угрюмый Крошъ?

—Я все: законникъ, волхвъ, философъ, звѣздочётъ,

И словомъ: въ формѣ я ученый первоклассный!

Всѣ мыши и крошы согласны,

Чшо я былъ чудо-человѣкъ:

Хоть здраво ни о чемъ не мыслилъ весь мой вѣкъ,

По умеръ, погруженъ премудрости въ пучинѣ;

Въ навозѣ рылся я, въ навозѣ роюсь нынѣ!—

—А шы, почтенный господинъ,

Благочестивый Кошъ, какой имѣлъ шы чинъ?

—Я человекъ не свѣтскій, но духовный,

По милосщи Творца былъ Жрецъ верховный;

Былъ образъ крошосщи, смиренія примѣръ,

Святъ духомъ, но пришомъ Халдейскій навалёръ.

Духовную мою шрапезу сосшавляло:

Млеко, сыръ, масло, сало.

О шмадѣ неся я по долгу пасшуховъ,

Но я шеридшь не могъ Мышей ерешиковъ!

—А шы чшо скажешь намъ, Баранъ?

—О! я, сударь, изъ столбовыхъ Дворянъ.

На бранномъ поприщѣ искалъ мой предокъ славы,

А я мухъ колошилъ въ деревнѣ для забавы;

Мой предокъ для того безъ сна въ трудахъ пошлъ,
 Чшобъ послѣ правнучекъ поилъ, поспалъ, побавъ!

—Ты выслушай меня, вскричала Обезьяна:

Вошъ я шо шварь была преславна

И много обществу я пользы принесла:

Изрядно кушала, изрядно и пила,

Ошмбно прыгала, кривлялась неподобно,

Играла дамами, какъ шапками, свободно;

Щелкала по носу я знасныхъ я господъ,

Хошъ я была ничто, какъ Гаеръ иль уродъ,

Доскойный забавляшъ на ярмаркахъ народъ.

Пришлойносшь, правда, сшыдъ всегда мнѣ были
 чужды,

Въ религи совсѣмъ я не имѣла нужды,

И будучи во всемъ глупѣ Лошана,

Я принимала видъ большаго знамока;

Въ искусствѣ льстишь слыла великой мастерицей,

Въ обманахъ, въ хитростяхъ поспорилабъ съ
 Лисицей;

На счетъ другихъ жила пріятно, безъ заботъ,

И словомъ: я была скоштина а la mode. —

—Ну! шы, Хомлякъ, скажи, шы чшо былъ за дѣшина?

—Ахъ! государь, я былъ шорговой мужичина.

Товаромъ мѣлочнымъ сперва я началъ шоргъ.

Сшыдъ, правда, совѣсшь, Богъ —

На чисты денежки всё это продавалось:

Иной день разъ пять сошъ божишься мнѣ случалось!

Когда же нажилъ я изрядный напшаль,

То шакъ богобоязливъ сшалъ,

Чшо лишь по шарой я привычѣ плушовабъ:

За доброе, подъ часъ, я продавалъ гнилое,

И бралъ не болѣ какъ виашеро иль шрое.

Аршинъ и ножницы, вѣсы, руна и взоръ,

Зубъ каждый у купца и даже лавка — воръ!

Не долженъ поупцивъ ошнюдь обвершиъ вбришь,
Гогова и она обвѣсишь и обмѣришь!—

Молчи, подлецъ, вскричалъ Салваназарадомъ,

Ты счастливъ, сдѣлавшись по смерти Хомякомъ!

Услышь меня, услышь всезвѣдущая сила!

„О еслибъ шы законъ шакой пошпаковила,

„Чшобъ всякой человекъ: судья, или купецъ,

„Попъ, воинъ, дворянинъ, ученый и кузнецъ,

„Забывшій совѣсть, стыдъ, законъ, Монарха, Бога,

„Передъ зеркаломъ ли, средь Царскаголь чертога,

„Иль въ домѣ собшвенномъ пируя за шоломъ,

„Но удивленью всѣхъ смалъ волкомъ иль 'осломъ.

„Прибрыбъ шаковы безумцевъ устрашили,

„И смертные себя п Бога бѣ больше чшпши.—

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУРСОНІАДЫ.

Изъ первой Пѣсни.

1.

Помилуй шы меня, о Фебъ, Парнасскій богъ!
 Кого велишь шы вѣшь, внушая мнѣ восторгъ?
 Ахъ! смалься надо мной чувствшительная Муза!
 Могу ли я хвалишь шоль дивнаго Француза,
 Какъ былъ нѣкогда преславный Пурсоньякъ:
 Въ Парижѣ продавалъ на рынкѣ онъ шабакъ,
 Герой былъ въ кабакахъ, и первый жрецъ въ
 харчевняхъ;
 Шумѣлъ на площадяхъ, смирялся онъ въ деревняхъ,
 Гдѣ часомъ спраншивалъ для чорствваго кусма;
 Гдѣ блѣдная его, голодная рука,
 Тряса кошомкою, прохожихъ умоляла,
 И съ жадностію хлѣбъ насущный принимала!
 Изъ вѣщихъ вдругъ пошомъ попался Пурсоньякъ
 Въ число мошенниковъ, воровъ и забіякъ;
 Пошомъ онъ заклеменъ и сосланъ на галеру,
 Но земляковъ своихъ послѣдуя примѣру,
 Чудеснымъ образомъ въ Россію убѣжалъ,
 И ссылачмый Французъ какъ солнце возблисталъ.

2.

Возспалъ Французъ, но ахъ! онъ слабости шатался;
 Вошце онъ воздухомъ, какъ маинкою пштался:
 Лишь первый шагъ ногой дрожащею сшупилъ,
 Зефиръ съ насмѣшкою Француза повалилъ;

Внезапно выглянулъ изъ ада Велзевулъ,
 Во всю бѣсовску мочь онъ крикнулъ: караулъ!
 И въ Гладу шакъ вѣдалъ: „о подлый забіяка!
 Вошь до чего довелъ ты славна Пурсоньяна!
 Познай, чпѣ сей Французъ мой искреннѣйшій другъ;
 Спущай къ нему, спущай скорѣе для услугъ!„
 Уродливый скелешъ, вооружась клюкою,
 Пущился въ дальній пушь съ походною сумою;
 По ребрамъ повязалъ широкій онъ кушакъ
 И пламенный надѣлъ на голову колпакъ;
 Гремилъ онъ на бѣгу изсохшими косями,
 И челюсть искрививъ, гигантъ спучилъ зубами;
 Траву и дерево и корни и цвѣшны
 Тербилъ, гложешъ, жрешъ, глошаешъ все въ пуши.
 „Возможноль! онъ кричилъ: я долженъ быть
 слугою,
 „Вошь какъ ругаешся царь адскій надо мною!
 „Нѣтъ, Велзевулъ! хотя ты знашый господинъ,
 „Но Голодъ въ пеклѣ шожъ имѣешъ знашый чинъ,
 „И родъ мой швоему ничѣмъ не уступаетъ:
 „Почтенна Смерть меня отшѣнно уважаетъ;
 „Война сеспра моя, а Нищета кума,
 „Родная шешна мнѣ сѣшельна Чума,
 „Въ великой дружбѣ я съ ученостью бываю,
 „И часшо чудеса шворишь ей помогаю.
 „О сколь поругана высока честь моя:
 „Холопомъ буду нынь у Санкюлоша я!
 „Хоть долженъ выполнишь бѣсовско повелѣнье,
 „Но Шпинсомъ я клянусь пишашъ въ Французамъ
 мщенье.
 „И въ помощь пригласивъ Развращъ, Болѣзнь, Войну,
 „Обрушу гибель всю на горду ихъ главу!—

Безумные враги отечественныхъ щей!
 Не зрю я въ васъ Славянъ, не зрю богатырей:
 Насилу движущся полмерщвы ваши шруны!
 Ощавьше нанонецъ вы соусы и супы;
 Не Галламъ вы должны, но преднамъ подражать:
 Прямою доблесью и пузомъ щеголять.

Изъ второй Пѣсни.

1.

На деньги ужасъ какъ кечислы духи пади;
 Извѣстно, что они всегда любили взятки;
 Бѣсовской алчности уже я зрю примѣръ:
 Содралъ съ меня алшынъ на привязи Церберъ.—
 Когда съ бумагой въ судъ приходишь челобитчикъ,
 Кряхтитъ и кашляетъ ошъ радости Пovýпчикъ,
 Облизывается въ восторгѣ Секрешаръ
 И нюхаетъ табакъ приазна мѣла шваръ.
 Просишель корчишься; подьячье гордящся:
 Зѣбею долженъ онъ предъ гадомъ увиваешья,
 Просишь и кланяешься, даваешь и общаешь,
 Въ шракширахъ пощиваешь и дома угощаешь.
 Случилось шаибъ и мибъ межъ адскими крыками.
 Чего не дѣлалъ я предъ подлыми черцями!
 Нижайше кланялся, покорнѣйше просилъ:
 Давая деньги имъ, кису опорожнилъ;
 Но недовольны шѣмъ кургузы оплешалы,
 За чѣмъ, кричащъ, за чѣмъ швои карманы малы?
 Насилу я смягчилъ бѣсовскія сердца.
 Ошверзлися враша геенскаго дворца:
 Въ огнѣ и въ пламени монархъ мибъ адскій зришся,
 Прешолъ его въ дыму, намъ вещчина, копнишся;

Покрышы сажею порфира и вѣнецъ;
 Величество его шапъ черно, какъ музнецъ.
 Отъ роду я не зрѣлъ шоль пачешины рожи!
 Прекрасны всѣ его миниспры и вельможи,
 Нарядна гвардія, хорошъ придворный шпашъ:
 Съ рогами всякой здѣсь,

2.

Просперла Мода першѣ — и вдругъ дѣвицы, дамы,
 Какъ вѣдмы сжали всѣ съ предлинными хвостами;
 Ренла — и волосы нависли на глаза;
 Велишѣ — и лысина, гдѣ были волоса;
 Восхощешѣ — и всѣ вдругъ дѣвицы обнажаша
 И будущѣ голыя, какъ дикія, шаскашѣ;
 Принажешѣ имъ — и вдругъ одѣнушѣ въ шбики,
 И вмѣсто челчиновѣ носишѣ начнушѣ горшки;
 Мигнешѣ — и шѣ, что нынѣ лепечущѣ по Французски,
 Заквакающѣ въ домахъ, какъ жабы въ лягушки.

3.

Вдругъ жрица земляка преславна обняла,
 И къ Рускимъ модникамъ и модницамъ рекла:
 „Месье! кшо радости изъ васъ не ощущаешѣ?
 „Еще владѣ мудросши вамъ Небо посылаешѣ!
 „Въ Французѣ дивномъ семѣ приходишѣ къ вамъ
 Сограшѣ;
 „Какое щасіе для васъ и вашихъ чадѣ!
 „Къ шому же и его нещасно положенье
 „Возбудилѣ въ васъ къ нему сердечно сожалѣнье.
 „Французамъ помогашѣ обянавъ Рускій всякъ:
 „Кшо мыслишѣ иначе, шомъ варваръ и дуракъ.
 „Толико нищѣ Французскіе почешены,
 „Колико бѣдники Россійскіе презрѣваны.

„Невждамъ пособлять вамъ Мода не велишь;
 „Хоть Рускій ранами въ сраженіяхъ докрьшь,
 „И славно прослужа ошечеству полбна,
 „Въ награду нищій сшалъ и жалосный калбна;
 „Хоть жизнь боярскую, имбнѣ защишилъ;
 „Но еслибъ у Бояръ онъ хлбба попросилъ;
 „Бояре! вамъ велишь Французско воспишанье
 „Плевашъ на Руское израненно созданье!
 „Похвальнѣе для васъ Французовъ богашинь,
 „Чѣмъ грошемъ Рускаго калбну одолжишь.
 „Явите щедрость вынь преславному Пурсопьяку! „—
 —Ужасну межъ собой людъ модный сдѣлалъ драку:
 Всякъ хочешъ щедростью другаго превзойши,
 Француза хочешъ всякъ нѣ себѣ въ домъ ошвезши.
 Ташъ говорилъ: жалбшь не буду миліона,
 Такого чюбѣ досташъ себѣ компаніона!
 Иной кричилъ: дѣтей моихъ насшавникъ будь!
 Въ годъ тысяча рублей и хлбба шриста пудъ.
 А шрешій шакъ бржжмишь: онъ будешъ правильною
 И всемъ распоряжашъ, и домоу и женоу.
 Не звалъ, что сшвчашъ въ воспоргѣ Пурсопьякъ.
 Доселѣ мнилъ Французѣ, что первый онъ дуракъ;
 Но нынѣ, окруженъ шакими чудакими,
 Узрѣлъ, что рангомъ онъ не первый межъ глупцами,
 И наконецъ сказалъ, что мудрость полюбя,
 Намбренъ посвяшинь въ учишеди себя! —
 Проснившись сѣ дьяволомъ, далъ руку Верховлету
 И въ грязномъ рубицѣ сѣлъ сѣ гордостью въ карету.
 Благодаря Гибу, почтенную мадамъ,
 Въ пуши гошовилъ нѣ учишельскимъ шрудамъ
 И мыслилъ шакъ въ душѣ, отъ смѣха помирая:
 Россія, подлинно, земля предорогая;
 Я чувствую, что здѣсь озолошашъ меня:
 Въ Россіи полубогъ. — Парижская свинья!

**РЪДНОСТИ,
КОТОРЫЯ УДАЛОСЬ МНѢ ВИДѢТЬ.**

Я видѣлъ, какъ скупецъ мѣшонъ схвативши злата,
На помощь къ ближнему несчастному сбѣжалъ,
Съ чувствительной душой обнялъ его, какъ брата,
И слезы горести въ минушу осушилъ.

* * *

Я видѣлъ Дервиша (Турецкой шо монахъ),
Который одержалъ побѣду надъ спрасьями:
Спалъ крошкѣ, совѣщенъ, смиренъ, воздерженъ,
благъ,
И грѣшный мѣръ презрѣлъ не словомъ, но дѣлами.

* * *

Я видѣлъ мудреца, кой истину любилъ:
Она ему всего была дороже въ свѣтѣ,
Въ бесѣдѣ и дѣлахъ ее имѣлъ въ предметѣ:
Онъ жилъ какъ писалъ, и такъ писалъ, какъ
жилъ.

* * *

Я видѣлъ щастія достойнаго любимца—
Прекрасенъ, молодъ онъ, богатъ и знаменъ былъ;
Но въ добродѣтели всю роскошь находилъ:
Забава для него—ушѣщивъ несчастливца.

.....
.....

* * *

Я видѣлъ, какъ одинъ почтенный Секретарь
 Оправилъ праваго не взявши ни алтына:
 Такъ долгу велишю, онъ мнилъ; мнѣ плашишь со-
 вѣсть, Царь,
 И вошь награда мнѣ бездѣйна и една.

* * *

Я видѣлъ модника, который для покроя
 Терялъ имѣнїе и не имѣлъ покоя;
 Но вдругъ позналъ, что умъ дороже, чѣмъ кафшанъ,
 И выключилъ себя изъ списка обезьянъ

* * *

Я видѣлъ женщину во цвѣтѣхъ южныхъ лѣтъ,
 Кошмой вещихъ мужъ прелесченъ—сбди нами;
 Но на челѣ его еще рогъ не роснешъ:
 Она вѣрна ему—о чудо межъ женами!

* * *

Я видѣлъ, какъ одинъ забѣжій къ намъ мясникъ
 Осмался мясникомъ, хотя могъ быть учитель:
 Родясь во Франціи, Парижскій бывши жестель,
 Новечно площадной—Французской зналъ языкъ.

* * *

Я видѣлъ, какъ лжецы неправдой возгнушались,
 Зависники чужимъ блаженствомъ восхищались,
 Придворный предъ Царемъ душою не врился,
 И сильный слабого не грабилъ, не душилъ.

* * *

Я видѣлъ шоржество наукъ, достоинствъ, чести,
 Позоръ невѣжества, изгнанье подлой лести,
 Въ семействахъ шину и щастіе вездѣ:
 Я видѣлъ все сіе, и видѣлъ все. . . во снѣ!—

↓ ЗАБАВНАЯ БЕСѢДА.

„Внемлите горы и леса,
 „Спремлюсь повѣдать вамъ предивны чудеса. . . .
 —Чтобъ ты пропалъ, Гнемачь, съ своими чудесами!
 Вскричала Фиррина: ты мучишь всѣхъ спихами,
 Прямой Парнасской ты урокъ!
 Насильно приемами зажаешь мнѣ хочешь роуѣ. . . .
 О чемъ бышъ, господа, я расскажешь хошѣла?
 Да! да—вошъ десять дней, какъ я ужъ овдовѣла!
 Ну! какъ вамъ правится печальный мой нарядъ?
 Такую вдовушку нельзя не обождать;
 Вчера Вершущинну я голову вскружила. . . .
 —Убѣй себя драгунска снаа,
 Губанивъ вдругъ какъ конь заржалъ:
 Бралиху глуую сивозъ строй бы я прогналъ!
 Болшаемъ о себѣ, да о своихъ нарядахъ,
 Ни слова вымолвишь не даси о вахш-парадахъ.
 Какъ выслушимъ въ разводъ: ну! посмотриблибвы;
 Вдругъ спанемъ мы во фруншѣ, смѣимъ всѣ, какъ
 столбы.

——Ей! ей! я знаю все о сицевомъ парадѣ:
 Курьезиѣ у насъ дѣла шекушъ въ Палашѣ,
 Горшанью хриплою приказный возразилъ:
 —Тасендум! грозно мужъ ученый возгласилъ:
 Начнемъ бесѣдовать о важныхъ мы предметахъ
 О манускриптахъ и кометахъ. . . .
 —Мнѣ вашихъ никогда не переслушать вракъ,
 Примолвилъ весельчакъ:
 Когда не глупы вы, то всѣ вы очень странны,
 И для меня шѣмъ болѣе забавны,
 Что всѣ вы любите вранье—
 Лишь не чужое, а свое.

ПОЭТЪ и МАТЕМАТИКЪ.

Поэты.

Не въ Сниксаль мрачнымъ берегамъ
 Фаншазія меня примчала?
 Тѣнь блѣдна, жалкая предсчала
 Испуганнымъ моимъ очамъ!
 Хламидой сальной покровенный,
 На шулъ призракъ сей шорчишь,
 И долу черепъ уклоненный
 Прозрачнымъ колпакомъ покрывъ.
 Огромныхъ книгъ предъ нимъ громада,
 Въ пыли повержена, лежишь;
 Онъ съ грифеля не сводишь взгляда
 И онымъ на доскѣ чершишь;
 Чершишь—и рожу искривляешь
 Въ досадѣ будиши сей скелешъ,
 Колпакъ не рѣдко поправляешь—
 Браня при шомъ какой шо зетѣ!—
 Конечно шерпишь онъ онъ зета,
 И зетѣ сей вѣрно адскій духъ;
 Онъ зета блѣдени онъ и сухъ:
 Спрошу о зетѣ у скелеша.
 Кто ты—прежална шѣнь—вѣщай,
 Кѣмъ ты на муку осужденна,
 ; Здѣсь въ шулу кѣмъ ты пригвожденна;
 Не се ли мрачный ада край?—
 Иль здѣсь волшебникъ обиаешь,
 Тебя обвороживъ, шерзаешь?
 Иль Фури въ тебѣ живушь,
 Копорыхъ зетамъ зовушь?

Ручьями изъ ноздрей текущій
 Табакъ шы прежде обощри,
 Пошомъ мой духъ, въ сомнѣннхъ сущій,
 Ошвѣшомъ удовлетворѣ!—

М а т е м а т и к ъ.

Проклятая шы биноміа—
 Ты злобы адской экспонентъ,
 О куль, исполненъ ядомъ зміа!
 Какъ смѣлъ шы поносишь мой зетъ?—
 Всемошннй сѣ иксомъ зетъ вѣщаешъ
 Задачь непосшижимыхъ шыму,
 Природы тайну ошкрываешъ,
 И все покоршвуетъ ему.
 Подобно грозному Тишану,
 Зетъ небо прѣступомъ беретъ,
 И зету, лаврами вѣнчанну,
 Хвалу вселенна воздаешъ.
 Знай, въ вѣчностъ я на зетъ бду—
 Я званъ Безсмертїемъ къ обѣду;
 Чрезъ иксъ, чрезъ игрекъ и чрезъ зетъ
 Я пропощалъ къ Олимпу слѣдъ.

П о э т ъ.

Худу скелешъ сей изрыгаешъ!
 Въ умѣ помѣшанъ видно онъ—
 Досадно мнѣ; но пущъ болшаешъ:
 Не писанъ дуракамъ законъ!—

М а т е м а т и к ъ.

Ты говоришь о мнѣ сѣ презрѣнїемъ;
 Клянущъ квадратнымъ уравненїемъ,
 Клянущъ, что я тебѣ ошмцу:
 Я шучу игрековъ нуцу,

Да поразитъ шя пуще грома—
 Ужасна, сильна аксіома!
 Ошкуда, дерзвій, шы пришелъ?
 Меня въ ошчаянъе привелъ;
 Ты помѣшалъ рѣшилъ задачу;
 Съ досады и со злости плачу!

Поэтъ.

Пожалуй плачь! а я смѣюсь,
 Угрозъ ни мало не спрашусь.
 За зета грудью шы всшундлся,
 Чего шы на меня озлился?
 Скажи, оширой миѣ наконецъ
 Живой ли шы, или мершвецъ,
 Во сиб ли бредишь, камъ лунашия?

Математикъ.

Дрожи, о дерзновенна шварь!
 И знай, что азъ есмь чиселъ царь,
 Искусный, славный Машемашкиѣ.
 На иксахъ мой воздвигнушъ шронъ;
 Его съ почтеньемъ окружаетъ
 Нулей ошборныхъ легионъ.
 Количество меня вѣнчаетъ;
 Съ маштабомъ циркуль—скипешръ мой!
 Ищу я круга ивадрашуру;
 Послушай, не шути со мной.

Поэтъ.

Набрелъ я на паррикашуру!
 Забавный для смиховъ предметъ!

М а т е м а т и к ъ.

Что слышу!—Небо! онъ Поэтъ!
 Въ немъ вижу злаго супоснаша,
 Онъ моего свирѣлыхъ риемъ
 Трепещетъ робкій *логарифмъ*;
 Онъ бичъ и *куба* и *квадрата*!
 Я понимаю все теперь:
 Парнасскій эпитетъ хищный звѣрь
 Саширу хочетъ пригошовишь;
 Онъ будешь въ ней меня злословишь.
 Злодѣй! оставь ты мой чердакъ;
 Я *иксомъ* заряду коллаивъ
 И выстрѣлю, какъ изъ *морширы*;
 Иль *грифель* сей себя произишь,
 Съ шобою выбѣшь испребишь
 Презлбный планъ швоей саширы!

П о э т ъ.

Не въ силахъ я владѣшь собой!
 Посшой, о чучело! посшой,
 Сшупай съ своими ты нулями.
 Берн съ собою *зетъ* и *иксѣ*,
 Гдѣ прошекаешь мушный *Сшиксъ*,
 Сшупай шуда — живи съ чершями.
 Схванилъ сынъ Феба за пучонъ
 Царя, количествомъ вѣчанна,
 И, давъ ему одинъ шолчонъ,
 Повергъ на землю бездыханна!

МЕРЗИЛИНЪ,

И Л М

РУСНІЙ ВЫРОДОКЪ, ПРЕВРАТИВШІЙСЯ ВЪ ОФРАН-
ЦУЖЕННУЮ ГАДИНУ.

Правдинивъ! хочешь ты, чтобъ краскамъ живыми
Я смѣлой кистію шошъ гадъ изобразилъ,
Который красою и прелесшми своими
И жабъ, и черепахъ, и крысъ всѣхъ помрачилъ.
Въ болотѣ нивъ одномъ, нивъ дужахъ, безъ сомнѣнья,
Нѣшъ пвари спольно же достойныя презрѣнья,
И въ адъ молодца шакого поискашъ,
Кшобъ гнусношью его могъ перещеголяшъ.
Преславна издревле была всегда Россія;
Но какъ же развелись въ ней гадины шакия?
Великой машерью моглиль бышъ рождены
Толь безобразные, уродливы сыны?
Не Русная душа, не храбрость въ нихъ геройска,
Душишна мѣлая и подлосшь въ нихъ заморска;
Французчина, какъ моль, побла весь ихъ мозгъ,
Забышъ къ ошечешву привязанности долгъ!
Не чешъ ихъ движежъ, нѣшъ! ихъ мучнишъ шо
сердчишки,
Чтобъ свѣшъ зналъ, что они Французскія маршиски.
На что изъ сѣ предковъ брать похвальвѣишій
примѣръ?
Французовъ мало ли сорвавшихся сѣ галеръ?
А какъ прибѣгнушъ шошъ въ Французскимъ и Мам-
зелямъ,
Которы свѣшъ пролаи шаснаясь не . . . ламъ

 ОПИСАНІЕ СЛАВНАГО ПАРИНА. V....

Паривъ сей рѣдкой, дорогой,
 Имѣешь въсу чешверть пуда;
 Онъ сдѣланъ хитрою рукой
 Изъ нѣжныхъ волосковъ верблюда;
 Зашылокъ, брови и виски,
 Большой паривъ сей покрываетъ,
 Какъ печь, плавя въ спужу нагрѣваетъ
 И жметъ ее шакъ, какъ шиени.
 Придѣланъ къ парикѣ широкій
 Французскій назадъ пучокъ,
 А на срединѣ прѣвысокій
 И пышный вѣшся *à la coq*.
 Но что еще милѣй и краше
 Всего, о немъ что молвилъ вамъ:
 Огромны пунли въ шри ешажа
 Нависнули по сторонамъ!
 Къ шомужъ, запереди устроенъ
 Послѣдней моды лавержекъ:
 Онъ удивленія достоинъ!
 Симъ кончу парива поршреть.

 П Ъ С Н Ъ Л У Ж Ъ .

Пускай нгой пошья годы,
 Сь надсадой шрубишь страшны оды
 Ручьямь, озерамь и морямь:
 Не море, лужу воспбваю;
 Грязь въ жемчугъ я преобращаю,
 Ударивъ лиры по струнамь.

Судебь благоугодно волбь,
 Чшобь лужа шы, въ несчастной долбь,
 Была другихь всбхъ ниже водь:
 Ручьи насъ веселяшь струями,
 Моря приводяшь въ страхъ волнами,
 А лужей брезгуешь народь.

Но насбномы неисчешны,
 Для гордыхъ взоровъ непримбшны,
 Зряшь въ лужб дивный океань,
 И въ подлыхъ жабахъ страшныхъ кльповъ!
 Чешвероногихъ Сибаришовъ
 Ты выбсишь ванна и дивань.

Паши, украшены щетиной,
 Презрбиною ливою шиной
 Не промбняются на пухъ;
 За бархашь грязь они щитаютьъ
 И въ роскоши шакой не чаютьъ,
 Чшо ихъ гошовяшь подь обухъ.

Ни предъ ручьемъ, ни предъ рѣкою
 Ты не похвалишься водою;
 Но страннику въ несносный жаръ
 Вода своя въ степи Ливійской,
 Или въ пустынь Аравійской,
 Небесный важится нектаръ.

Просирайствомъ море пусть гордишься;
 Шумишь волнами и стремишься
 Доснигаешь грозной высоты:
 Въ обширности неизмѣримой
 Однимъ Всесильнымъ обозримой
 И море лужа, какъ и ты.

Хоть бы на днѣ его лежали
 Блещащій бисеръ и кораллы,
 Примащивы для алчныхъ глазъ;
 Но что жъ! предъ мудрыми очами
 Столь почитаемые нами
 Кораллы и бисеръ — та же грязь.

Нѣтъ! лужи я не презираю;
 Я въ лужѣ пользу обрѣтаю:
 Наставникъ лужа для меня,
 Чинаешь мнѣ урокъ прекрасный,
 Съ кошорымъ опыты согласны
 Сію какъ истину глася:

Чей духъ лѣнивый дремлетъ вѣчно,
 Въ томъ мысль и чувствіе сердечно
 Какъ въ лужѣ мушная вода;
 И праздности его въ награду
 Пороки въ немъ, подобно гаду
 Плодятся — множатся всегда!

САРАНЧА.

Народы храбры Африкански,
 У насъ зовомы саранчой,
 Какъ орды прежнія Ташарски
 Спрашашъ Уранну собой.
 Повсюду грабяшъ, разоряюшъ:
 Въ ожесточеніи шакомъ
 Поля въ минушу поглощаюшъ
 Съ пшеницей, рожью и овсомъ. —
 И Россѣ, Царствѣ многихъ покорилель,
 Гордыни буйной укротилель,
 Россѣ мужество вездѣ явилъ;
 Но саранчи не побѣдилъ!
 Вошче желаюшъ умудришья,
 На, о ней побѣдой похвалишья,
 Чшобъ згинулъ жадный сей злодѣй:
 О сколько вымысловъ, зашѣй!
 Тамъ въ косы звучно ударяюшъ,
 Опвсюду пламенемъ горяшъ,
 Тамъ рвы глубокіе копаюшъ,
 И въ нихъ врага зарышь хошашъ;
 А шамъ, шамъ ловашъ неводами,
 Среди пространныхъ нивъ, полей
 Сидящу саранчу спадами,
 Какъ будшо въ Волгѣ шерлядей. —
 Все щещно! — врагъ все презираешъ.
 Комушъ судьба предославляешъ
 Воздашь врагу досшойну мѣсть
 За оскорбленію Россовъ чешъ? —

Какіе храбрыя шацеки
 Толикій подвигъ совершатъ?
 Никшо, какъ Х. . . . Орфей. —
 Они безъ копьевъ и безъ латъ,
 Вооружены лишь смычками,
 Кларнетомъ, скрипками, басамъ,
 Въ кафшанъ или въ епанчъ,
 Подсунутъ храбро нъ саранчъ,
 И въ мигъ разсавивши пульнешы,
 Оркестромъ полнымъ проскрынятъ —
 И пани, пани повшорятъ
 Симфонію, пошомъ концерты.
 Изчезнетъ саранчи упорство,
 Накажешся ея презорство;
 Нъ спасенью ей лишь два пуши:
 Оглохнушь должно, иль уйши!

**ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЬМА ПРІЯТЕЛЯ МОЕГО,
СТЕАНСТВУЮЩАГО ВЪ ЧУДЕСНОМЪ ПТИЦЬЕМЪ МІРѢ.**

Не знаю почему здѣсь вздумалось Природѣ
 Разумны существа по птичьему одѣшь:
 Прилично ли уму подъ перьями подѣшь?
 Сей гордый господинъ, любимый небесами,
 Покоишься привыкъ у насъ подъ колпаками!
 Не долженъ ли, скажи, краснѣшь безсмертный духъ,
 Когда по плоти съ Сычь, Филинъ, иль Пшухъ? —
 Но что! . . . не будешьъ мы указывать нашуръ,
 И объ умахъ судишь не шанемъ по фигурѣ:
 Разумнѣй, подлинно, иная здѣсь Сова,
 Чѣмъ съ носомъ Греческимъ Французска голова!
 Великіе умы лещающъ здѣсь шадами,
 И славны мирными и бранными дѣлами.
 Тамъ храбры Норшуны воздвигли птичей Римъ,
 Когдащны Римляне гроза врагамъ своимъ;
 Здѣсь хищны замыслы проникнувъ ясщребины,
 Вищійсивующъ Сиворцы за вольность и Деины;
 Съ покланымъ носомъ шамъ нажился Невщонъ,
 И мудросшью гордась попырищъ крылья онъ;
 Здѣсь Филинъ — Гищелье, иль Пшщъ глазища
 жмурищъ,
 И шава същъ Царямъ, коварну рожу хмурищъ.
 Толики здѣсь умы и доблесци цѣвшущъ;
 Однако въ мірѣ семъ не Ангелы живутъ.

Пройдемъ мы всѣ мѣры, рассмотримъ всѣ народы,
 Увидимъ, что вездѣ есть жалкіе уроды!
 Вошь напимѣрь идешь, надувшись Павлинъ:
 При здѣшнемъ онѣ дворѣ выежѣ значный чинъ;
 Такую заслужа высоко Царску милость,
 Чрезъ шоль обманчиву наружности красивость
 Гордишься могъ бы онѣ сіяшельнымъ хвостомъ,
 Но ибѣ! онѣ хвастаетъ прескареднымъ умомъ.
 А вошь шершою промчалася Ворона,
 Имѣя гордый видъ Нѣмецкаго Барона,
 И подлинно, еѣ знаише въ мѣрѣ ибѣ:
 Придворнымъ конюхомъ ея былъ славный дѣдъ! —
 Ба! вошь еще Сова нарядная щацина:
 Возможишь Фидлину богиней не прельстишься!
 Какая вышунка! какой на ней уборъ!
 На всѣхъ пылающій она бросаетъ взоръ:
 Такія красоны въ Москвѣ, въ Парижѣ рѣдки,
 И предѣ Совой должны смиришься всѣ конешки.
 Вошь къ спаша и Журавль за модинцею въ слѣдъ
 На длинныхъ шоль ногахъ въ большой пустилася
 свѣшъ:

Онѣ легче воздуха, непостояннѣй вѣтра,
 И ролю важную играетъ пешимешра.
 Влюбляешься — долгъ его; повѣсой бышь — законъ;
 Занаше — игра, похожа на босшонъ.
 Но вошь падучею спрадаетъ жалкій Кобчикъ.
 Ахъ! какъ кобенится сей бѣдненькой господчикъ;
 Не Карачунъ ли шо съ ланцешами шшонъ?
 Ибѣ! Тешеревъ глухой предѣ кобчикомъ пыхшишь;
 И кобчикъ корчится предѣ значностью глухой,
 Въ надеждѣ, можешъ бышь, учивностью шакою
 Защишу, иль чинонъ, иль мѣсто получишь,
 Чшобъ послѣ Сибгирей и Воробьевъ душишь.

Сдирашь безъ жалости съ безсильныхъ шиичекъ
 ному,
 И наконецъ себя преобразишь въ вельможу! —
 Ну! вошь еще уродъ: — ощипанной Пѣшухъ!
 Повѣса промашалъ и перье всё и пухъ;
 Обрили пѣшуха пиры, игра и мода,
 И сшалъ безхвостый мошъ посмѣхомъ для народа.
 Тѣфу пронасы! и еще двухъ вижу чудаконъ:
 Одинъ задумчивъ, гордъ, и важенъ и суровъ;
 Другой ужасную имѣешь образину.
 О Муза! помоги списать сію каршину;
 Сшанъ грозно со щашомъ шы ныль предо мной,
 Чшобъ гаупосшь мшщительна не ранила сшрѣлой.
 Предсшавъ себѣ, мой другъ, безъ лести и ошвакио
 Сіе позорище шоль дивно и шоль страшшо,
 Когда Лашынію напыщеннй педаншъ,
 Превыше облака свой вознеса шалашъ,
 Всшрѣчается съ другимъ ему противной секшы;
 Съ обѣихъ вдругъ шсторонъ сшремяшся аргуменшты:
 Тотъ Аршшотелемъ сопернику грозшъ,
 Сшващшвшш Канша сей, противника разшъ;
 Трещашъ софшзмами начиненны дилеммы,
 Ревушъ по воздуху огромныя сшстемы,
 Удару сшбдуетъ ужаснѣшій ударъ,
 Въ герояхъ множшся свшрѣный, браннй жаръ;
 Но оба вдругъ снарядъ логическй шеряюшъ
 И кулаками бой за истшну рѣшаюшъ;
 Лежашъ растерзанны на части паршкш,
 И носящя власовъ напудренныхъ клоки,
 Но въ шшщьемъ мшрѣ нынь люшбшша бшшва зршся:
 Педаншты диспушамъ должны здѣсь поучшсья.
 Одинъ боець — краса Индѣйснхъ пѣшуховъ;
 Другой—честъ фшлшновъ ицашъ, всѣхъ мудрецовъ.

Какъ предъ Троиломъ взглядъ сверкалъ Ахилловъ
 звѣрскій,
 Такъ взоромъ филину грозилъ пѣшухъ Индѣйскій;
 Онъ разшопырившись прегордо хвостъ несетъ,
 Вращаясь крыльями описываетъ свѣтъ;
 Сибѣшь рожа вся, шрясешся носъ мясистый,
 Кричишь на филина: вы всѣ, всѣ атеисты!—
 Неиспово взглянулъ шумъ филинъ на него:
 О харя синяя! и ты бранишь того,
 Кому въ подсолнечной ученостью нѣтъ равныхъ!
 Ужель ты не чишалъ трудовъ моихъ преславныхъ?
 Пѣшухъ такъ филину изволилъ ошвѣчать:
 Какъ смѣешь, рыжій враль, смоль гордо помышляшь,
 Чтѣобъ для твоихъ трудовъ холбѣлъ я краишь время:
 Чтѣ можешь сочинишь совино глупо племя!
 Я въ диссерсаціяхъ то ясно доказалъ,
 И въ комментаріяхъ о томъ же толковалъ,
 Чтѣ филины, сычи и всѣ прегнусны совы
 Не могушь никѣгда бытъ славны Богословы. —
 Подпрыгнулъ филинъ вдругъ: рогатый философъ
 Съ надушымъ мудрецомъ шеряшь не хочешь словъ,
 И съ шумомъ началась межъ пищѣ ученыхъ драка,
 И филинъ и пѣшухъ задорнѣйшій клевака,
 Съ размаху намѣшвѣвъ, крыломъ другъ друга бьютъ,
 И безъ пощады въ зобъ и въ голову клюютъ;
 Съ нихъ перья падаютъ и кровь шечешъ ручьями;
 Но филинъ, пользуясь преосшрыми кохшьями,
 Кичливаго врага сломилъ, сразилъ, поцралъ,
 И сшавши на него, побѣду прокричалъ! —

II,
Б А С Н И.

ЖИВОПИСЕЦЪ.

Былъ живописецъ славный,
 Рафаэлю въ искусствѣ равный,
 И очень, очень не дуракъ;
 Но сердцемъ жалкій былъ просиакъ:
 Ужъ до того онъ совѣши держался,
 Что даже знашнымъ льстишь боялся!
 А что сіе почтемъ за грѣхъ?

Спросите вы у всѣхъ.—

Сей добрый человекъ хотѣлъ себя прославить,
 И чѣмъ же? вздумалъ онъ представить

Пороки всѣ и глупости людей.

Судя по мастерству, онъ сущій чародѣй!
 Нельсшива нисъ его что ни изобразилъ,

Одушевила.

Картину кончивши, шотчасъ
 Онъ выставлялъ еѣ народу на показъ;

Но лишь ее узрѣли:

Конешки обомлѣли,

У пауза волосъ дыбомъ сжалъ,

Лжецъ шрепешалъ,

Грызшь ногти началъ скрага,

Грозилъ указами суняга,

Кобенился предъ живописцомъ Франшъ,

И Кашкиною назвалъ его педанти.

Пылая въ сердцѣ мщеньемъ,

Порочные кричалъ художнику съ презрѣнемъ:

„Ты насивилъ написалъ,

„Чезшь нашу обругалъ;

„Въ картинѣ сей хотѣлъ смѣяться ты надъ нами.“

— Богъ съ нами!

Художникъ отвѣчалъ:

Я глупость и пороки изобразилъ желалъ,
 А васъ не прогналъ я, да и васъ и не зналъ;
 Уродовъ можно ли вамъ сравнивать съ собою,
 Когда красавцы вы душою? —
 Но маскеры сей не могъ себя шибко оправдать;
 Хотя умные его взялися защищать;
 Но ихъ не много было;
 И все вишійше ихъ глупцовъ не убдило. —
 Художникъ оцѣненъ былъ подъ судъ;
 Кошорый смѣчь велѣвъ его прекрасный трудъ.

Тавъ будешь всякому, кто сколько даръ имѣешь
 И лъснись пороку не умѣешь.

ОРЕЛЪ и СТРѢЛОКЪ. VY

Непрони мена! орелъ вдругъ принулъ на стрѣла:
 Дерзнешъ ли высстрѣлишь по мнѣ швое рука?
 Орловъ и Римляне и Греки уважали,
 Священными они насъ признавали! —
 То были Римляне! стрѣлокъ Орлу сказалъ,
 А нынѣ людъ умѣе спалъ;
 Не очень о швоей заботились породѣ:
 Теперь умъ не Орлы, а Попугай въ модѣ.

ЛАСТОЧКА и КОЛОКОЛЬ.

На башнѣ колоколъ висѣлъ,
 И шамъ же ласточка гнѣдилась.
 На колоколъ вдругъ шиичка разсердилась:
 Ужъ шы мнѣ уши прозвенѣлъ;
 Въ собесѣднѣ живъ съ шобой моихъ силъ не до-
 станешъ. —
 Молчалъ бы, Ласточка, охотно для себя,
 Но чшомъ, звонарь меня
 За длинный мой языкъ всегда насильно шлещъ.
 А шы, Глушонъ, за чѣмъ шы подымаешъ крикъ;
 Ужели и себя кшо шлещъ за языкъ?

ОТКУПЩИКЪ и ХАРОНЪ.

Узрѣвши шбнъ съ огромнымъ пузомъ,
 Харонъ вдругъ ахнулъ и вскричалъ:
 Боюсь, чшобъ съ симъ тяжелымъ грузомъ
 И самъ я въ Стиксѣ не препадь.
 Откуда шы и что такое?
 Снажи дебелия душа;
 Ты видно что-то не просное,
 Ты Кардиналъ или Паша?
 „Кшобъ яи былъ я, но вы не стойше,
 Объ этомъ смѣю васъ просить,
 Ввалишься въ лодку мнѣ, позволяше,
 Я долженъ въ шаршаръ послѣдшишь;

Скажу, спарикъ, вамъ откровенно:
 Хочу прожеишь Шлушону дашь,
 И я надѣюсь несомѣнно
 Вашъ перевозъ на ошкупъ взялъ.
 Всегда симъ планомъ занимаюсь,
 Я въ мѣрѣ шолсъ, покоенъ былъ;
 Богатства многого лишаясь,
 О томъ при смерти не жуилъ.
 Какіе знашные доходы
 Легко здѣсь можно получаешь:
 Сюда шолпяща всѣ народы
 И пакъ со всѣхъ мы можемъ драшь!
 Бришанцу скажемъ мы и Галлу:
 Намъ чистыя деньги опочи;
 А господину Камчадалу:
 Ясаи мѣхами заплаши.
 Теперь вы служише безъ плашы,
 Не правда ли? но у меня
 Вы скоро будеше богашы
 И шольно же лощи каиъ я;
 Не рубище на васъ дурное,
 Не сей засаленный колпакъ,
 Нѣтъ, будешъ плашье дорогое
 И пишь вы станеше араиъ.“
 —Хароиъ угрюмой, дикой, строгой,
 Сѣкнулъ и въ первый разъ заиѣлъ;
 Не мудрено, мужикъ убогой
 Надежду къ щасью возимѣлъ.
 Онъ жирной шѣни поклонился
 И съ ней каиъ можно скоро пльлъ;
 Пльва, Юпитеру молился,
 Чшобъ грузъ его онъ сохранилъ.

 МОРЕ и РЪКА.

Надулось Море предъ Рѣкою,
 Ревещъ: что значите вы Рѣки предо мною?
 Я съ важностью шеку по безднамъ, по силамъ
 И съ шумомъ въ ярости спремлюся къ облакамъ...
 — А мы, Рѣка въ отвѣтъ: не столь шумимъ волнами,
 Но нашими водами
 Питаеяся земля,
 Тучибушь гордые моря!

 ЮПИТЕРЪ и НЕПОУРЫ. ✓

О просвѣщеніи Юпитера просилъ
 Непоуры, хотя во шмѣ щасливо жилъ.
 Смѣясь Юпитеръ шварямъ смѣ,
 Тотчасъ исполнилъ ихъ прошенье:
 Въ жилище мрачное гилушку бросилъ имъ,
 Сказавъ: Непоуры! вотъ ваше просвѣченье.

 ЮПИТЕРЪ и ФАВНЪ.

Зевесъ, боговъ царь и отецъ,
 Въ красотку гордую влюбился;
 Юпитеръ ли не молодецъ?
 Но онъ напрасно волочился. —
 Меркурія въ ней посылалъ
 Съ богатыми Зевесъ дарами,
 И Эскулапа заславлялъ
 Любовь возжечь въ ней порошками.
 Худой успѣхъ они имѣли;
 Амуръ, сердецъ могущій богъ,
 Напрасно шавже яратилъ стрѣлы.
 Но кто Юпитеру помогъ? —
 Былъ Фавнъ, мохнатая скотина
 И рожу всю имѣлъ въ угряхъ.
 Но Фавнъ шанцёръ, и вошъ причина,
 Что принявъ былъ во всѣхъ домахъ.
 По Фавнову Зевесъ совѣшу
 Спалъ Фавновымъ ученикомъ;
 Чшобъ нравиться любви предмету
 Юпитеръ сдѣлался козломъ.
 Не спало важности въ Зевесѣ:
 Онъ прыгаетъ и ночь и день;
 Вершишь вихремъ въ экосесѣ,
 Танцуетъ даже *а ла Рень* (*).
 Красотна скоро полюбила
 Зевеса, свѣтскаго козла,

 (*) *Минуетъ а ла Рень.*

И за шерстьные наградила,
 Чьим бога наградишь могла.
 Юпитеръ Фавна обнимаешь:
 Познай мохнатый другъ, какъ Зевсъ
 Твою заслугу награждаетъ.
 Твой родъ внесу я до небесъ!
 Потомки Фавна будущи славны:
 Всѣ будущи шанцовашъ учишь;
 Я право вамъ даю, о Фавны!
 Красоткамъ голову кружишь! —

Красотки Фавновъ уважають,
 Въ семь постоянны лишь онѣ;
 Муцинь красотки оцѣняють
 Не по уму, но по цѣлѣ.

ЦВѢТЫ и СОЛНЦЕ.

Цвѣты, прельстившись своими красотами,
 Сморгбли гордыми на солнышко глазами;
 Но солнце онѣ цвѣтовѣ лишь отвратило взглядъ,
 Изчезла ихъ краса и сладкій аромашъ. —

Что наша мудрость вся, что добродѣтель строга?
 Ничто безъ солнца цвѣтѣ—и мы ничто безъ Бога!

РАЗГОВОРЪ о СОЛОВЬѢ
МЕЖДУ ДРОЗДОМЪ и СОРОКОЮ.

Каковъ же соловей!

Вѣдь вы его, сударыня, видали?

— Видала, башня мой: ужьшо-шо дуралей!

— Такъ видно голосу его вы не слышали?

Ахъ, какъ поешь! не лъзя его не почишашь!

— *Et donec!* шы соловья чрезчуръ ужь выхваляешь.

— А шы, мадамъ, за что его шакъ унижаешь?

— Онъ прыгашь не гораздъ, не масперъ лепешашь?

Такъ о достоинствѣ сороки разсуждаюшь,

И въ этомъ женщины имъ часто подражаюшь!

ПАРИКЪ и БОЛВАНЪ,
НА КОТОРОМЪ ЕГО РАЗЧЕСЫВАЮТЬ.

Съ пѣшивой знашности когда парикъ снималъ,
То самый сей парикъ болванъ носилъ. —

Ужьшо-шо, чаю, вы сего дня разсуждали?

Болванъ у парика спросилъ:

Вѣдь много, думаю, у знашности разсудка?

— Какъ у шеба, дубоваго ошрубка.

ВОЛЫ и ЛОШАДЬ.

Спросили иьногда у Лошади Волы:
За что боярину понравились Ослы?
Вддь работашь они намь мало помогающь,
Однако больше ихь и кормящь и ласкающь.
— И вы не знаеше, конь отвбчалъ воламь,
За что шаная честьь осламь
И барская не милость иь намь?
Таиь знайше, брашцы:
Мы Рускіе, ослы же иностранцы! —

ПЧЕЛА и ОСА.

Оса Пчелѣ такъ говорила:
Давно во мнѣ ты зависшь возбудила,
Нашъ родъ вездѣ гонимъ;
Вашъ родъ вездѣ любимъ,
Хоть шанже вашего боишься всякой жала,
И лучше насъ еще умѣешь извѣщать! —
Не спорю, что извѣмъ, пчела ей ошибчалась;
Но медъ любя, насъ можноль не любить?

Пчела — по кришики полезной сочинитель;
Оса — безъмозглый шпынь, зависшавый хулитель.

МОСЬКА и СОБАКА НА ПРИВЯЗИ.

Ахъ! сжался надо мной, сіяшельная моська!
 Любимцу барскому песъ шарый говорилъ:
 Весь въѣвъ усердно я на привязи служилъ:
 Смогри, израна дубиной грудь геройска;
 Я умасъ былъ всегда для здѣшнихъ всѣхъ воровъ,
 Я былъ прямой слуга, не изъ числа льстецовъ.
 Возри, премудрый монсѣ, на многія заслуги,
 На дряхлосшь лѣтивъ моихъ, на слабосшь и недуги;
 Доставъ въ награду мнѣ, почщенный мой патронъ,
 Хощь каплю молока. — Да гдѣ шакой законъ?
 Съ презрѣньемъ временивъ рѣчь псову преры-
 ваешъ;
 Нѣтъ! баривъ милосшей своихъ не расщочашъ;
 Послушай! — молоно даешъ только намъ,
 Придворнымъ господамъ;
 А вы, на привязи герои,
 Довольны будеше шѣмъ, что вамъ даюшъ помои.

ПЫЛЬ и АЛМАЗЪ.

Потерянный алмазъ въ пыли лежалъ,
 Алмазомъ пыль пренебрегала.
 — Ахъ! какъ ты предо мною малъ,
 Она ему сказала:
 Съ земли я гордо подымаюсь,
 И въ уши и въ глаза прохожому бросаюсь;
 Здѣсь знаюшь всѣ меня: и лапоть и башмакъ!
 А ты ... какой бѣднякъ!
 Ни кто тебя не примѣчаетъ.
 — За пылью? ... вдругъ алмазъ смиренно ошвѣ-
 чаетъ.

И умъ шамъ не блесшилъ,
 Гдѣ глупость нагая, какъ пыль глаза мрачилъ.

ЖЕЛѢЗО и КУЗНЕЦЪ.

Мучитель! въ кузнецу желѣзо вопило,
 На шоль я создано, чшобъ ошв себя спрадало;
 Чшобы переносить ужасный, адскій жаръ;
 Чшобъ сильный молота разилъ меня ударъ?
 Терпѣнїе! кузнецъ желѣзу ошвѣчаетъ:
 Минешъ спраданїе, ты примешъ лучший видъ,
 И свѣшъ, что на тебя съ холодношью взираешъ,
 Полезное въ тебѣ орудїе почишъ.

Таковъ сей басни смыслъ, читатель:
 Нашъ возвышаетъ духъ чрезъ бѣдствїя Создатель!

НАХОДКА.

Въ ночь лѣшнюю глупецъ прибѣдилъ, что блесшилъ;
А что въ правѣ блесшилъ, о томъ не разсуждаетъ:

Глупцовъ блескъ всякой удивляетъ. —

Безмозглый радъ

И мнилъ, что кладъ

Безцѣнный онъ находилъ,

Нъ безцѣнности подходилъ;

Хватаетъ съ жаждою дурацкая рука;

Повѣсилъ носъ глупецъ — нашедши червяка.

Не зваши королю другихъ кто оцѣняетъ,

Глупе, чѣмъ дуракъ, шомъ умникъ послушаетъ.

ДУРАКЪ и ДРАГОЦѢННЫЙ КАМЕНЬ.

Не полированный, но очень драгоцѣнный,

Попался камень дураку.

Глупецъ, какъ видно, былъ Минералогъ ошибный,

На камень посмошрѣл и зашвырнулъ въ рѣку.

И дарованіа цѣнишь не всякой знаешь;

Глупецъ не видитъ ихъ, иль видя презираешь.

БАРЫШНИКЪ.

Осваивая прочія заботы,
Въ торговлю Клишъ вступилъ:
Споку бумаги онъ купилъ,
И собственннй работы
Спихами написалъ;
Потомъ о барышѣ великомъ возмечталъ.
Но щещно съ рѣзками носился по базару:
Гуршомъ и въ розницу продашь не могъ шовару.
Ужъ Клишъ и самъ шомъ не радъ;
Пышался въ лавку онъ отдашь ее назадъ,
Но лавочникъ небралъ, хоть дѣлалъ Клишъ уступку.
На силу въ горести набралъ онъ на купца,
Который взялъ споку за рубль у молодца,
И смалъ воспламеняшь свою спихами шрубну.

Иной богачъ,
Какъ бѣдной сей рѣмачъ,
Богъ всѣмъ, что зашваемъ,
И наконецъ барышъ такой же получаемъ.

ОСЕЛЪ ВЪ ЩАСТІИ.

Ты помнишь ли осла, вола лошади сказалъ:

У нашего онъ господина

Навозъ шаскалъ;

Но въ удивленію сія скопина

На верхъ величія вошла:

Форшуна по уши влюбилася въ осла!

Навозъ сперва возилъ, а нынѣ возилъ Папу,

И Папскіе льстецы осла цѣлуютъ въ лапу;

Обвѣшенъ золотомъ, осыпанъ жемчугомъ,

Изъ смирной швари онъ сталъ страшнымъ гор-
децомъ.—

Да сталъ ли онъ умнѣй средь пышности и славы,

Спросила лошадь у вола?

—Сего-шо сдѣлашь лишь форшуна не могла.

Переблещетъ чешь вишь не умы, а нравы!

 ДАМОНЪ.

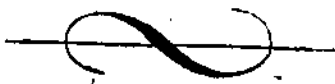
Дамонъ имѣлъ не маду честьъ
 Форшуды арѣшь въ себѣ любимца,
 И у Дамона, у счастливица,
 Не можно даже было счестъ
 Родныхъ, друзей горячихъ, страстныхъ,
 Не только нушашъ съ нимъ, и умерешъ согласныхъ;
 Но вдругъ форшудю за что то презрѣвъ онъ. —

Осиротѣвъ Дамонъ!

Друзья, которые съ нимъ умерешъ рѣшились,
 Не видя прибыли, всѣ въ бѣгство обратились.
 Лишь не разсчалася собака съ бѣднякомъ,

Являя ласки одинаки.

Дамонъ задумался, и произнесъ пошомъ:
 Увы! друзья мои не стоимъ и собаки.

Ш.

НАДПИСИ.

СУВОРОВУ.

Мечемъ весь міръ спрашивалъ иной востель славной,
 Но самъ предъ щасіемъ невѣрнымъ шрепешалъ;
 Суворовъ — къ колесницѣ бранной
 Съ побѣдой щасье приковалъ.

ПЫШНОМУ МАВЗОЛЕЮ. ✓

Народамъ и вѣнамъ сей мраморъ горделиво
 Вѣщаешь: здѣсь лежишь время краса и диво:
 Свѣшальникъ мудросши, громъ браней и побѣдъ;
 Не смертный, — полубогъ, дрожалъ предъ нами
 свѣшъ.
 Со страхомъ проходи, о пушникъ! близъ могилы. —
 Врешь мраморъ! подъ шобой лишь горсть презрѣн-
 ной пыли.

**НЕИЗВѢСТНОМУ СОЧИНИТЕЛЮ ПѢСНИ О
 ПОХОДѢ ИГОРЯ ПРОТИВЪ ПОЛОВЦЕВЪ.**

Дьячекъ ли, Дьяконъ ты, Подьячій, или Дьяв:
 Кшѣбъ ни былъ ты: Луна, Софронъ или Ермакъ —
 Живи подъ именемъ странъ Россіихъ Оссіана.
 Но кѣмъ бы назвали мы твоего Баяна?

ЗЛОПРАВУ.

О рокъ! еще ли я въ бѣдахъ не испулся?
 Злоправъ мнѣ въ дружбѣ извѣстился
 И душу мнѣ свою хотѣлъ онъ подарить,
 То ешь, чуму привишь!

√ К Л И Т У.

Равняешь ты меня съ Жилблзомъ;
 Но съ кѣмъ же я себя сравню?
 Съ Сношнининымъ Тарасомъ? —
 Нѣтъ! все еще швой умъ я дорого цѣню.

IV.

ЭПИГРАММЫ.

6*

**ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ ПОПИЛЮ,
КОТОРАГО, КАКЪ ГОВОРИТЬЪ ЛЬТОПИСЬ, МЫШИ СЪЪЛИ.**

О участь жалкая несчастныхъ Королей!
Чего не дѣлаешь надъ ними роиъ нахальной?
Имъ Попилъ осужденъ на ужинъ для мышей,
Навѣ будшо бы Король огарокъ свѣчки сальной!

ТАРАСУ-АВТОРУ.

Тѣфу пропасть! все еще Тарасъ ты сочиняешь:
То ешь: писателей другихъ ты обираешь!
Пора покаяться; ну полно воровать!
Возможноль авторству такъ жертвовашь собою:
Ты правъ, что ты рожденъ съ порожней головою,
Но совѣсть погубя, вѣдь будешь ошвѣчаешь.

К Л И Т У.

Клишъ мною огорченъ, ошмщеньемъ злобнымъ ды-
шешъ.
О какъ я радъ! пуснай Саширу онъ напишешъ,
Я одъ его боюсь: шо сущая хула;
Сашира слѣдственно мѣб будешъ похвала.

ПО СЛУЧАЮ СПИСЫВАНИЯ ПОРТРЕТА СЪ
ОДНОГО ПРЕМУДРАГО МУЖА.

Вы пишете портретъ съ философа Ослова:
Похвально славной лицѣ въ портретѣ сохранишь. —
Но выдумка сія, похврьте мнѣ, не нова;
Вамъ можно болѣе философа почтись:
Съ живаго кожу сняшь, и чучелу набишь.

КЪ ВЪТРАНАМЪ.

Умомъ Французъ, красой Вѣтранъ снабжаешь мода.
Уже ли ничего имъ не даетъ природа? —

Г У Р У.

Къ Христовой вѣрѣ Гуръ презрѣнья кажется видѣ!
Глупецъ онъ былъ всегда, давно ли сшалъ онъ Жидъ?

С К У П Я Г Ъ.

Что не говѣлъ сой годъ, скупяга, ты жалѣешь:
На что тебѣ говѣшь, ты цѣлый вѣкъ говѣешь.

ПИГМАЛІОНУ, ✓

КОТОРОЙ ВЛЮБИЛСЯ ВЪ МРАМОРНУЮ СТАТЮЮ.

Гордися ты, Пигмаліонъ!
 Превозноси свою судьбину:
 Въ прекрасной мраморъ ты влюблёнъ,
 А прочіе должны влюбляшья въ глину (*).

К Л И Т У.

Учился долго Клитъ и очень много знаешь,
 Но глупо мыслишь онъ, глупѣ поступаешь:
 По знаніямъ — подробный, Клитъ, Словарь
 А по уму Букварь.

КЪ МОДНЫМЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

О жены модныя! несносенъ вамъ Поэтъ
 Однако и ему въ васъ право нужды нѣтъ:
 Лишь Граціи его и Музы восхищаютъ,
 А вукалы не прельщаютъ.

(*). Уже ли мнѣ глина? спросяшь женщины. — Вольно
 вамъ не чинать Библии.

КУТЕЙКИНУ,
КОТОРЫЙ, КОНЧИВШИ ВЪ СЕМИНАРИИ ПОЭЗИЮ,
ПОСВЯЩЕНЪ ВЪ ПОНОМАРИ.

Прошедъ Поэзію, крылашаго Пегаса
 Кутейкинъ осѣдлаалъ;
 Онъ думалъ залезъшь на верхъ горы Парнаса,
 Но бысшрый конь его на колокольню мчалъ.

КЪ НАБЪЛЕННОЙ КОКЕТКѢ. ^{VV}

Кшо набѣлялъ шебя Вѣшрана?—Кшо? — Амуръ.—
 Возможноль! богъ любви сшалъ нынѣшшукашуръ?

ЛЕНАРЮ.

Весь городъ удивленъ швоимъ выздоровленьемъ!
 Сего дня съ гордостью мнѣ ленаръ говорилъ;
 — Да! да! я ошѣвчалъ ему на шо съ почтеньемъ:
 Всѣ ахаюшъ, чшо шы меня не уморилъ.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ.

Осшая нецшарь, скицешрвь, громь,
Юпицшрвь, по уши влюбленной,
Кь Данаь, въ башнѣ заключенной,
Спустился золотымь дождемь. —
Прошли шь времена, настали вьши бѣдны,
И рада красота, какь льещя дождь и мѣдный.

ОСЛУ ВЕЛЬМОЖЬ.

Двицшсь, что осель вельможею сшалъ нынѣ,
И должно кланяшья преглупой сей скотинѣ;
Но для чего ослу вельможею не бышь,
Когда могь дрѣвле бынѣ въ Египцѣ богомь слышь?

ФРАНТУ, ПРИЧЕСАННОМУ *à la coq.*

Сь забавнымь встрѣннлся сего дня я дѣшиной;
За диво можно бы показывать его:

Пѣшущій гребень у него
На головѣ ослиной.

Ф О Н Ъ.

Нашъ Фона хвастаетъ своимъ широкимъ лбомъ, —
За тѣмъ, что Харьковский украсенъ онъ гербомъ.

В И Р Т У О З У А Н Т И П У.

На лирѣ золотой когда Орфей игралъ,
То горы и лѣса и шаршаръ подвигалъ;
А ты, Аншипъ, когда на скрипкѣ заиграешь,
Смычокъ лишь подвигаешь.

Е М У Ж Е.

Ноль Года, или Дицъ играешь —
Въ весельи каждый восклицаетъ,
Восторга ощущая жаръ:
О музыка! небесный даръ. —
Но лишь Аншипъ въ гудокъ зазвонитъ,
То каждый охаетъ и спонетъ,
Вопитъ: о бѣдшвіе людей!
О музыка! ты бичъ ушей.

Е М У Ж Е.

Чшо, наново вчера оркестромъ мы играли?
 Мы съ гордостью Аншии сего дня проворчали:
 — О Боже! я вскричалъ:
 Вы слухъ мой разшерзали;
 Согласья ишъ у васъ: цль скрипки ваши въ ссорѣ?
 — Согласья? кричулъ онъ въ задорѣ:
 Какой нелѣпый задорѣ,
 Искать согласія межъ нами:
 Межъ флейшой, скрипками, басами—
 Когда въ Европѣ всей господствуетъ раздорѣ!

БОМБАСТУСУ.

Безчисленны міры, и солнца, и кометы,
 Прошевши времена, системы, аргументы
 Въ огромной головѣ Бомбастусъ всё вмѣстилъ;
 И еслибъ мозгъ имѣлъ, не глупъ бы очень былъ.

ВЕСЕЛЬЧАНУ.

Ума и остроши въ заемъ шы хочешь дать;
Но гдѣ жебѣ ихъ взять?—

ЕМУ ЖЕ.

Напрасно весельчавъ шакъ гордо помышляешь,
Что острошой меня и разумомъ снабжаешь:
Хотя шы иногда красно умбешь врашь,
Но всель шо золото, что можешъ лишь блещашъ?

КЛИТУ.

Когда Державина безъ чувства Клитъ чашаешь,
То мнѣль пишашъ стихи? Нѣшъ! полно; Фебъ!
проси:
Но скромный василекъ престанешъ ли цвѣсти,
За шмѣв, что грубый мулъ и розу попираешъ?—

ГЛУПОНУ.

Дивншесь глядя на Глупона:
 Разъ пашьдесяшь прочель Невшона!
 И чшоъ?—щеперь Глупонъ—
 Вы снажете Невшонъ?
 —Нъшь! всё Глупонъ.

ЧОРТЬ и СМЕРТЬ.

Нуда, курносая?—Иду я за душою.
 —Къ кому?—Къ Секретарю: шавъ велбно судьбою!
 —Ахъ! какъ просна судьба: живешъ она въ глуши:
 Какой въ Секретарь, какой иснашь души!
 Но еслибъ и была, шо върь, чшо прежде смерши
 Ту душу за алшынъ купишь успбюмъ черши.

ВОПРОСЪ ФРАНЦУЗА и ОТВѢТЪ ГУСКАГО.

Мы служимъ вамъ: мычашъ васъ по Французски
 учимъ;
 А чшо даеше намъ за важный трудъ шаконъ?
 —Какъ, чшо? бездблицу: и кормъ и водопой,
 Да сверхъ шого мы васъ своимъ богашствомъ
 выучимъ.

ГОРАЦІЕВУ ПОДРАЖАТЕЛЮ. ✓

Изъ крашкной оды Фирсѣ, лишь произнесѣ два слова,
Вселенная збвашь гошова.

ЕМУ ЖЕ.

И въ длинныхъ одахъ Фирсѣ швой умъ не длиненъ
быль,
А въ крашкныхъ шы его лишь больше сокращилъ.

ЕМУ ЖЕ.

И Ломоносовъ нашъ ничто Фирсѣ предъ тобою:
Сшранцами того не производишь онъ,
Что можешь произвешь шы спрочкою одною:
Досаду, смѣхъ, и грушь, и сонъ.

ПЕДАНТУ СОЧИНИВШЕМУ ЭПИГРАММУ.

Вотъ чудо, да оно не свилось и Адаму:
Цынухъ Индѣйскій снесъ — яйцо? — ишь! эпиг-
грамму.

СНОВИДѢНІЕ.

Кричишь во снѣ жена: ага!

Поймала я барана за рога!

—Опомнись! Богъ съ шобою!

Мужъ ошѣбчаешъ ей:

Ты сонная рукою

Меня схватила за шупей.

ХРѢНОБДУ.

Наибъ строга Хрѣнобдѣ пошнись каждый годѣ.

—Чему же удивляешься?

Привыкъ Ословъ смиренный родѣ

Сухояднѣемъ пишаешься.

ПОДЪЯЧЕМУ.

Я также наибъ солдатѣ Отечеству служу;

Не правда ли?—меня ты Кохшинѣ вопрошаешъ.

Большое сходство я межѣ вами нахожу:

Тотѣ кровь свою, а ты чернила проливаешъ.

ГЛУПОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Ужъ и осѣлъ

На Пиндѣ забрѣлъ.

БЕЗБОЖНИКУ.

Другіе, можешъ бышь, пому дивишься спанушъ,
 Чшо страшному суду Свянъишъ не вбришь шы;
 Но я скажу: шы правъ! предъ Богомъ не пред-
 спанушъ

Безсмысленны скошы.

ФЕДУЛУ.

Унизишь предпринялъ Федулъ меня словами;
 Возвысишь я хочу Федула похвалами:
 Въ награду свѣшъ почтемъ обоихъ насъ лжецами.

СИЛУ.

Въ Парижъ побхалъ Силъ; но свѣшъ прїѣдетъ къ
 намъ?
 Ума не вывезетъ; кису оставишь шамъ.

ПРЕКРАСНОМУ, НО ГЛУПОМУ МУЩИНЪ.

Ахъ! какъ прекрасенъ Тышъ; но молвишь правду
 машку:

Езопъ онъ на изнанку!

 Г У Р У .

О Небо! пощади несчастнаго меня:
 Пусшь овѣщесть Гурь, иль пусшь оглохну я.

 Е-М У Ж Е .

Природа разными снабжаетъ насъ дарами:
 Навъ левъ шовъ силенъ, храбръ; сей зришь быстрѣй
 Орла;
 Хршя Гурь по уму не стоишь и осла;
 Но въ свѣтъ Гурь великъ — козлиными ногами.

 ТАНЦМЕЙСТЕРУ ЛЕГКОСКОРУ .

Что древле былъ Орфей, то Легкоскоръ межъ
 нами;
 По слову вдругъ его колоды скачущъ съ кнами.

КЛИТУ. V

Я Клишомъ раздраженъ, и вошъ пому причина:
Изъ подшиха меня онъ больно укусилъ;
Но можно ли, чшобъ я ему саширой мшилъ?
Сашира для людей, а для него. . . дубина.

НЕВЪРОЯТНЫЙ СЛУХЪ.

Что слышу? говоряшъ, что разны сочиненья,
Накъ шо: рецензію и длинны разсужденья
Гошовашъ для шисненья!
Помилуйше! ужель печашныхъ мало вракъ,
Въ кошорыхъ продаюшъ на площади шабакъ?

У.

Е П И Т А Ф І И.

7*

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Россия! гдѣ твой ПЕТРЪ?—Во гробѣ онъ лежишь!
Ужели и боговъ смерть злоба не щадишь?

ЗАВОЕВАТЕЛЮ.

Стой, путникъ!... Здѣсь Гигантъ ужаснѣйшій
лежишь;
Предъ нимъ вселенна пренесала!
—Возможно! великанъ въ сей ямочкѣ зарышь?
Спыднись вселенная! пошрясь шобою. . . карла.

НАДУТОВУ.

Наибъ мало черезъ смерть Надушовъ потерялъ:
Онъ въ жизни былъ ничто, а въ гробѣ прахомъ
сталъ.

ВЕЛЬМОЖЬ.

Въ подземкомѣ здѣсь дворцѣ вельможа обитаетъ,
Своею значимостью червей онъ угощаетъ.

МОПСУ, ПОГИБШЕМУ ОТЪ ЛЮБВИ.

Чувствительный! вздохни о Вершере второмъ;
Онъ также спрасшенъ былъ, но только былъ съ
хвостомъ.

АНТИПУ ВИРТУОЗУ.

Весь въкъ Аншивъ игралъ, несносно слухъ шерзая;
Онъ умеръ наконецъ, гудокъ свой обнимая,
И положишь его съ собою завѣщалъ.
Прохожій! берегись, чтобъ онъ не заигралъ.

ЕМУ ЖЕ.

Здѣсь плоть Аншипова по смерти почиваешь,
Но въ адѣ духъ его нынѣ должность отправляешь:
Для муки грѣшниковъ на скрыткѣ шамъ играешь.

 ЕМУ ЖЕ.

Неутомимый здѣсь Анкиръ слѣгъ для покоя:
 Онъ былъ шоль дивный виртуозъ,
 Чшо онъ игры его во время лѣшня зноя
 Хреценскій всякаго по кожѣ дралъ морозъ.

 ЕМУ ЖЕ.

Прохожій! шрепещи; могилу зришь ширана;
 Онъ звѣрствомъ превзошелъ Нерона, Тамерлана:
 Покою никому мучишель не давалъ;
 Младенцевъ, сшарцевъ, онъ друзей, родныхъ шерзалъ;
 Ни плачь, ни вопль его не шрогали ушробы;
 Онъ рѣзалъ у живыхъ сердца; былъ шигръ, палачъ!
 Дрожишь и хочешь знашь: ишо, кшо сей извергъ
злобы,
 Ишо былъ сей живодѣръ? — Онъ былъ Анкиръ
скрыпачъ.

 ЛЕНАРЮ.

Здѣсь погребенъ
 Брачебныя управы членъ:
 Два Ленаря надъ нимъ искусство шшоциалъ; —
 О еслибъ Лекари лишь Ленарей лечили!

ИГРОКУ.

Сынъ щаснiя, кого всѣ *Короли* любили!
 Гдѣ слава днесь швоя? Увы! прошла какъ дымъ.
Холопы игроку и *дамы* измѣнили;
 Лишь *черви* поползли за нимъ.

БАРДУСУ.

Здѣсь Бардусъ погребенъ: что звучностию гласа
 Превосходилъ и Музъ, и Феба и Пегаса.

ОДНОМУ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

Прекрасная душа, прелестно юно шло
 О преимущесствѣ имѣли спорно дѣло,
 Ношорое рѣшилъ недоумѣль и свѣтъ;
 Но шажбу оную рѣшилъ врачей совѣтъ.

Г У.

Помѣстье, домъ прекрасный,
Нарезы, цуги, все оставил сей несчастный,
И въ вѣчность ошшелъ пѣшкомъ
Съ одною ношею — съ *горбомъ*.

ВЫСОКОУЧЕНОМУ. ✓

Гнѣшъ здѣсь гордая Лашынь.
Аминь.

VI.

РАЗНЫЯ МЪЛКІЯ СТИХО-
ТВОРЕНІЯ.

НА ПОЛУЧЕНІЕ КАНДИДАТСКАГО
ДОСТОИНСТВА.

Нѣ перу! излей воспорѣ и радость оныи!
За рѣмой рѣма въ слѣдѣ, стихѣ за стихомѣ
сидѣи.

Десницей мощью ученаго Сенаша
Се изъ ничтожества внезапно извлеченѣ!
Пешлицѣ сіяніемѣ сребристымѣ озаренѣ,
Спою на степенѣ высокой Кандидаша!
И Слава, освѣнивѣ меня своимѣ крыломѣ,
Съ улыбкой кажетѣ всѣмѣ печальный мой дипломѣ!
Но могутѣ ли толпы безумнаго народа
Таинственный дипломѣ понять безѣ перевода?
Невѣжды прочѣ! а вы Дедаловѣ правнукѣ, Блюмѣ! (*)
Въ столярномѣ мастерствѣ яви свой дивный умѣ:
Сооруди ковчегѣ красивый и огромный,
И что всего важнѣй, шель крѣпкій и укромный,
Чтобѣ время и пошопѣ, огонь, буря, градѣ и громѣ
И крысы не могли мой повредитѣ дипломѣ!

(*) Извѣстнѣйшій въ городѣ столярѣ.

СТИХИ ПО ПРОЧТЕНИИ СУМАРОКОВА.

О горе, горе намъ,
 Мѣлопомѣсшимъ риемачамъ!

Когда Парнаскій Князь, преславный Сумароковъ,
 Кошорый бочекъ сто Парнаскихъ выпилъ шоконъ
 И лавки книжныя спихами завалилъ,
 Когда и онъ ссрадалецъ риемы былъ.
 Въ швореніяхъ его у ногъ Екатерины
 Цвѣшущъ для риемы райски крины;
 А гдѣ сшонилъ Великій Петръ,
 Тамъ по неволѣ дуешъ вѣшрѣ.
 Нѣшъ риема! ты забудь насъ почиташъ рабами,
 Иль разсердасъ, себя мы презримъ сами.

ПОХВАЛА ГУСИНОМУ ПЕРУ.

Природа перьями довольсвувешъ гусей,
 А гуси оными снабжающъ писарей;
 Гусиное крыло безъ перьевъ ослабѣшъ,
 И писарсна рука безъ оныхъ оскудѣшъ!
 За данно вамъ добро
 Природу гуси восхвалише;
 За драгоценное перо
 Подвѣчие главу предъ гусемъ приклоните!

ФОРТУНА.

Зевесъ позвать и въ себѣ Форшуну приказалъ;
 Но гдѣ ее курьеръ Зевесовъ отыскалъ?
 Не добродѣтели достойно награждала,
 Въ конюшнѣ каменной осла она ласкала!

КЪ НѢКОТОРОЙ ШКАТУЛКѢ.

Шкатулка дорогая,
 Хоша изъ дерева, однако золотая!
 Магнитъ шкашулка для плутовъ,
 Приманка для воровъ,
 Ласкашелямъ забава,
 Зависшинамъ ошрава,
 Пресвищеровъ желанье,
 Подвличихъ прешыканье;
 Прибѣжище купцовъ брадамыхъ,
 Дворямъ надежда шоровашыхъ,
 Пристанище несчастныхъ кораблей,
 Житнейскихъ посреда морей,
 Лишенныхъ денежнаго груза
 Черезъ двойну или шуза!
 Будь крѣпко заперта, шкатулка, для воровъ,
 Для мошовъ, для ханжей, бездѣльниковъ, льстецовъ;
 Гоги прочь отъ себя и ябеду съ когшями,
 И зависъ жолшюк съ бѣсовскими глазами!
 Ошверсша бѣднымъ будь и добрымъ помогай,
 Тогда ошверсешся и для шкашулки рай.

ЗЕРКАЛО и УРОДЪ.

УРОДЪ.

Ты грубое стекло меня приводишь въ смѣдъ.
 Такъ гнуснымъ смѣешь ли изображать мой видъ?
 Будь вѣжливо: польсти!

ЗЕРКАЛО.

Льстишь право не умбю;
 Лесть свойственна лисѣ, собацѣ и лакею.

СРАВНЕНІЕ.

Ноль умб — небесный огонь: печь — наша голова;
 Чшомб наши знанія? — солома и дрова!

К О Н Ч И Н А

ОДНОГО МОЛОДАГО, ЗНАТНАГО И БОГАТАГО ЧЕЛОВѢКА.

Поспой, свирѣпа смерть! кричащъ съ любовью
младосишь;

Взгляни! едва, едва мы въ жизни процвѣли,
И любовашься мы другъ другомъ не могли. —

— Хоть насъ ты пощади, вопиющъ съ богатствомъ
знашность;

Пуснай поговоришь о нашемъ блескѣ свѣтъ!

Оставь щасливца, смерть! ужель несчастныхъ
вѣтъ?

Но ежели угодно ставъ судьбинѣ,

Чтобъ принесли, о смерть, тебѣ мы жертву нынѣ:

Шесть тысячъ душъ у насъ: люблю выбирай!

Лишь съ жизнью ты насъ не разлучай! —

— Умолнише! смерть грозно отвѣчаешъ:

Трава, о смертные! вы предо мною всѣ;

Но цѣхъ носа мой охошнѣй подсѣкаетъ,

Ножеры щаситя цвѣтушъ на выси.

С О Б А К И.

Погладивъ сѣраго, ласкашь я жучку спаль,

На жучку сѣрой вдругъ нагаль.

То видя, я сказалъ:

Коль можешъ зависшь бышь межъ шварію шаюю,

То какъ ужъ людямъ намъ не грызсшься межъ
собою! —

КЪ ЛЮДЯМЪ.

Гордишься смертные умомъ;
 Но безираспросно мно въ дѣянья ваши выкринешь,
 Съ прискорбіемъ воскликнешь:
 Ахъ! міръ сей сумасшедшихъ домъ!

СТИХИ НА ПУТИ ИЗЪ ГОРОДА ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Умъ за заставой я:
 Какая мнѣ опрада!
 Передо мной. . . прелестныя поля;
 За мною. . . пыль и кирпичей громада!

ЦВѢТОЧИНЪ. ✓

Теперь краса живая, цвѣточинъ, насъ прельщаетъ;
 Но ахъ! увянешь ты. —
 — До будущей весны!
 Безбожнику цвѣточинъ ошѣбчатъ.

VI.

ЛИРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

6*

 П О Э Т Ъ .

Смирись! ишобъ ни былъ шы, хошябъ власшитель
свѣта:

Чшо вышный жребій швой предъ участью Поэша?
Хошь бѣденъ, но блаженъ; хошь смерненъ, но онъ
богъ.

Таиъ! богъ: ноль и боговъ шворишь онъ древле могъ.
Наиъ пламень бышпро онъ вселенну пролешаешъ,
Орломъ надъ соляцами онъ крылья разширяешъ,
Сивозъ свѣта Океанъ во мрачны бездны зришь,
Обземлешъ ешесшво и жизнь ему даришь.

Чудесъ шолниихъ машь повѣдай, древность, міру,
Ноль всемогущъ Поэшъ, держа сѣвященну лиру:
Волшебнымъ гдѣ ея касался онъ сшрунамъ,
Средь динихъ вдругѣ лусшынъ раждались грады
шамъ;

Нѣ сшонамъ его лѣса и горы преклонялись,
И шигры передъ нимъ, ласкаясь, просширались:
Таиъ сей природы царь шворилъ и понорилъ!
Ноль въ шаршаръ нисходилъ, и шамъ повелѣвалъ!
О даръ изицибѣшій, даръ божешвамъ завидный!
Вы лишены его ширанны ненасышны:
Вамъ можно лишь въ крови народы пошопляшь;
Поэшъ имѣешъ даръ безъ брани побѣждаешъ.
Тамъ ваши узники шерзаюшся въ мученьи,
Здѣсь лѣбниники его линуюшъ въ восхищеньи;
Прегорьки слезы шамъ, сладчайши здѣсь шекушъ;
Тамъ власшь ужасный бичъ, а здѣсь нѣ блаженшву
пушь;

И еслибъ симъ пущемъ ходили человеки,
 Злащые на земли господствовалибъ вѣки:
 Тогда бы смертныхъ родъ, лобзая жребій свой,
 Не преклонялъ колѣнъ, о щастье! предъ тобой. —
 Чшо чувствую? восшоргъ обвалъ меня небесной!
 Ошкрылось предо мной видѣнїе чудесно:
 Я зрю народовъ сонмъ въ прелестнѣйшей снранѣ;
 Благоговѣющъ всѣ! — Средь сонма на холмѣ
 Я полубога зрю, яль мужа вдохновенна!
 Въ очахъ его душа сверкаетъ раздаленна;
 Какъ предъ грозою день, его шапъ мрачный видъ,
 Улыбкой освѣщенъ, прельщаетъ и снрашитъ.
 Валешбав на лиру онъ крылашными перстами
 И слаще соловья воспѣвалъ съ ей снрунами.
 Любовь и дружество, злашая цѣнь сердець!
 Васъ въ пѣсни возгласилъ божественный цѣвецъ,
 И чисты жерщвы вамъ повсюду воспылали!
 Вражда! низринься въ адъ, народы воспалидали.
 Низринулась! гласитъ въ восшоргъ кивъ Поэщъ,
 И какъ Эдемскій садъ миръ миромъ процѣщешъ.
 Умолнулъ! . . и вѣнцемъ оливнымъ увязенный,
 Въ храмъ славы ошшелъ, цѣвцамъ опредѣленный.
 Не на развалинахъ сей храмъ сооруженъ,
 Не чрепами людей злощасныхъ покровенъ;
 Не зрящя жерщвы шамъ шрепещуци, сраженны
 И необрызганы шамъ черной кровью снбны.
 Убийцы! прочъ ошсель! Такъ, шигры, сей не вамъ
 Прекрасный и свящый воздвигнущъ славы храмъ.
 Пустьъ чудищся вамъ леснь, ползая предъ вами;
 Нездѣсь кольвспрѣишешъ съ правдыными цѣвцами,
 Прокляціемъ на васъ ихъ лиры возгремящъ
 И сей ужасный масъ всѣ вѣни новшорашъ. —
 А шы, мужъ доблесшый, чшо правдъ побораешъ,
 Мечемъ какъ молвіей лишь злобѣ угрожаешъ,

Приблизься! . . . се тебя безсмертнѣ зовешъ
 И лиру звучную Поэту подаешъ.
 Ошнѣи не укрешъ, великодушнѣи воинъ!
 Ошѣ истина пѣвица хвалою шы удостоенъ.
 Во мрамѣ скрышь хошѣла Сашурнѣи швон дѣла,
 Раздался лиричнѣи звукъ и озарилась мгла. —
 Таковъ Поэтъ! — О сколь возлюбленъ шомъ судьбою,
 Кшо съ пламенной рожденъ и вѣжною душою;
 Свѣщеннѣи на него намшешвуешъ восшоргъ,
 Ного пѣшъ научилъ самъ стихошворснѣи богъ;
 Другъ добродѣтели, врагъ гнуснаго порока,
 Не ждешъ онъ милосшей онъ своенравна рока!
 Крезъ въ блескѣи, въ роскошахъ блаженстваненѣи блъ;
 Гомеръ былъ въ нищезъ, но раемъ онъ владѣлъ.

 З Л А Т О Е В Р Е М Я .

Будешь время, что престанешь
 Лишь Форшуна сладкий ядъ,
 Смерсныхъ больше не обманешь
 Езвы сей прелестный взглядъ.

* * *

Будешь время: умъ ошважный,
 Лилипушскій великанъ,
 Замыслы оставишь важны
 Досягнушь эфирыхъ странъ.

* * *

Будешь время, что спросишь нами
 Не дерзнешь уже играть;
 Не дерзнешь она сердцами,
 Какъ Султанъ повелбвашь.

* * *

Будешь время, что гремушка
 Не пльнишь, Герой, шебля;
 Ни блестящая игрушка:
 Пересканишь быть дилля.

* * *

Будешь время: полъ прекрасный
 Не наложишь ты оковъ,
 И не будешь намъ опасны
 Милвидносшь и любовь.

Будешь время, что гонимель
 Слабыхъ кровь престанешь пить;
 И небесный правды мечишель
 Громъ положишь опочить.

* * *

Будешь время, что смиряшя
 Люди, вздорливы слбицы,
 И покоемъ насладлшя,
 Какъ прямые мудрецы.

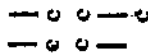
* * *

Будешь время: дарованья
 Глупости не оскорбашь,
 И уродливы оозданья
 Не пощавашь имъ преградъ. —

* * *

Но сіе златое время
 Не наступишь никогда,
 — Нѣтъ! наступишь, но тогда,
 Какъ исчезнешь смертныхъ племя.

О С Е Н Ь

Скучна природа
 Стааа шы вдругъ,
 Ясна погода
 Съ аѣшомъ прошла.

* * *

Сизы шуманы
 Вьюся вездѣ,
 Мрачны надъ нами
 Тучи висяшъ.

* * *

Хоръ сладкогласный
 Пшичекъ умоликъ,
 Ревъ лишь ужасный
 Слышенъ эврей.

* * *

Листъ упадаешъ
 Съ шумомъ съ древесъ,
 Цвѣтъ увдаешъ,
 Гибнешъ трава.

* * *

Томы бросаю
 Взоры вокругъ
 И ощущаю
 Въ сердцѣ печаль.

Вѣчно ли спану
 Въ жизни цвѣсти? —
 Томе увяну
 Въ осень мою.

НЪ РОССІИ.

Гордись, Россія! ты сынами;
 Гордись предъ прочими странами!
 О слава мать! твой каждый сынъ
 Ужасный сердцемъ исполнилъ.

* * *

Онъ въ жертву все себя принесилъ:
 Покой, имущество и кровь;
 Царя мировъ усердно просилъ:
 Продай въ насъ къ матери любовь!

* * *

Пустай завидливой рукою
 Судьба подпишетъ приговоръ:
 Сразишься цѣлый свѣтъ съ злобою,
 И вскрикнешъ: смерть, или позоръ?

* * *

Смерть! смѣло мы злодѣямъ снаемъ,
 И землю кровью обогримъ;
 Судьбѣ завистливой докажемъ,
 Что храбрый Россѣ непобѣдимъ.

VI.

СТАТЬИ СВЯЩЕННАГО
СОДЕРЖАНІЯ.

ПѢСНЬ ВЪРЪ.

Воспрями духъ мой усиленный!
 Всю бодрость нынѣ ты яви:
 Спращей ширанствомъ наложенны,
 Постыдны цѣпи разорви;
 Да узришь ты себя доспойнымъ
 Небеснымъ пламенемъ горѣшь,
 Усерднымъ гласомъ и приспойнымъ
 Всесильна Бога дщерь вослѣшь.

Прекрошкую и преблагую
 Дщерь правосуднаго Творца,
 Стремлюсь я Вѣру лѣшь свящую.—
 Прочь, прочь, сгрошивыя сердца!
 Лжемудрецы! для васъ невнятенъ
 Гласъ истины, гласъ пѣсни сей;
 Вамъ фурій адскій крикъ пришенъ,
 Учащихъ злобѣ васъ своей.

Съ небесъ, откуда свѣтъ исходитъ,
 Проспри, богиня, лучь ко мнѣ,
 Туда мой духъ свой взоръ возводнѣшь:
 Се, воскриленъ паритъ въ шебѣ!
 Священный страхъ его обѣмлетъ,
 Безмолвенъ стамъ и удивленъ;
 Онъ сладкогласнымъ ликамъ вѣмлетъ,
 Ошвсюду блескомъ осажденъ.

Не сели Вышняго чертоги,
 Ошколь вселенной правящъ Онъ,
 Ошколь праведный и строгій
 Изрекъ швореніямъ законъ?—
 Ошселя міры въ прахъ обращаешъ
 И новы маніемъ шворишъ;
 Ошселя Онъ въ душахъ чишаешъ
 И каждую песчинку зришъ.

У шрона, славой окруженна,
 Гдѣ Громовержець возсѣдишъ,
 Се на колѣнахъ, шоль смиренна,
 Дщерь Бога, Вбра предстоишъ!
 Умильный зракъ ея блискаешъ
 Сердечной шеплою слезой,
 Такъ Май лилею украшаешъ
 Алмазной по зарямъ росой.

Съ просшершыми она руками:
 „О грозный Ботъ! о мой Ошець!
 Речешъ любезными устами,
 Призри на вѣрныхъ мнѣ, Творецъ!“
 Всей злобой ополчась, буншуешъ
 Прошивъ меня адъ на землѣ:
 Да Сбверъ, другъ мой, шоржествуешъ
 И возвращишъ полсвѣта мнѣ.“

„Мои разрушилъ Западъ храмы,
 Лжеумдрость божешвомъ нарекъ;
 Тамъ шартаръ овладѣлъ душами
 Въ исполненный развраша вѣкъ!
 Единый Сбверъ защищаешъ
 И добродѣтель и меня,
 Всемощный! онъ къ Тебѣ възгаешъ:
 Прославъ его! прославъ Себя!“

Такъ вѣра Россамъ побораешь!
 Таковъ ихъ къ ней усердья плодъ!
 Доколѣ Вѣру почишаешь,
 Цѣвшущъ пребудешь сей народъ;
 Проспрешь лишь къ ней свои онѣ длани,
 И адскихъ избѣжишь сѣтей:
 Такъ, Вѣрой крѣпкою Россѣ во брани
 И непослушенъ средь смершей.

Но что за Фурія зянешъ
 И пламень вернешъ на меня?
 Какъ жалою — взоромъ уязвляешь;
 Впидлася въ сердце ей змѣя,
 Другія вокругъ главы виошся,
 И черныя яды шия лиошъ;
 Слова ужасны раздаюшся
 И душу всю мою шрясушъ.

„Спрашисъ ты моего ошмщенья!
 Кому хвалу ты воздаешь?
 Во дни шолки просвѣщенья
 Кого безумный ты поешь?
 Дерзнулъ ты славословишь Вѣру!
 Шпонрашь мудрѣйше себя
 Презрѣнну видяшь въ ней химеру
 И чшущъ богиню мекъ.“

„О несравненная награда
 Для ревностныхъ рабовъ моихъ!
 Обильно всѣ ушѣхи ада
 Лию всечасно я на нихъ:
 Съ улыбкой по цѣвшамъ спупаюшъ;
 Нѣшъ шерня на ихъ пуши;
 Сомнѣнья, шпрахы пошираюшъ;
 Къ нимъ скорбь не свѣшь подошъ.“

„Возри на моего любимца!
 Онъ прахомъ былъ покрытъ и шьюй,
 И се сіяешь какъ Денница:
 Онъ вознесенъ, прославленъ мной!
 Я власть даю ему надъ міромъ!—
 Пльнись его шы шоржествомъ,
 Повергнись предъ моимъ кумиромъ,
 Почши нечесшье божествомъ!“

Изчезни адско порожденье!
 Не божество, шы бичь земли!
 Свирѣштво, ужасъ, истребленье
 Всегдашнн спутники твои!
 Гдѣ шы—ошшуда вомделѣнны
 Бѣгушь согласье, шншина;
 Съ кѣмъ шы—въ шомъ правы разращенны,
 Душа шого злодѣшшвъ полна.

Ноль гѣбельно шо упоенье,
 Чшо въ сердцѣ производишь шы!
 Пройдешъ ужасно изсшупленье,
 Изчезнушь буйшшвенны мечты,
 Съ опчааньемъ шутъ извергѣ взглянешъ
 Въ зеркалѣ правды на себя;
 Но шщешшо проклинашь онъ шанешъ
 Тогда, чудовище, себя!—

О смершшнй! Вѣрой шы одною
 Блаженштво шстинно найдешъ!
 Царемъ поставленъ ли судьбою,
 Иль въ низкой долѣ жизнь ведешъ;
 На лонѣль щасшья почиваешъ,
 Иль злобнымъ рокомъ шы гонимъ,
 Да съ Вѣрой швердо пребываешъ,
 И Небомъ будешъ шы хранимъ.

Какое зрѣлище чудесно!
 Се съ горнихъ мѣстъ она грядешъ,
 Надежда и Любовь небесна,
 Обнявшись, идушъ ей во слѣдъ,
 Всѣ добродѣтели рунами
 Сѣбяясь, нисходяшъ въ дольный мѣръ,
 И неба осягченъ дарами
 Грядешъ въ вѣщи оливномъ мѣрѣ.

Божественный отъ справъ зѣира
 Внезапно къ намъ спремнися гласъ;
 На крылахъ легнаго зѣфира
 Къ прекрасну сонму обращаеъ
 Такъ Вбра прошкаа вѣщаешъ:
 „Внемлите, стонешъ какъ земля;
 Какъ въ блѣдны перси ударяешъ
 Раба невѣрная себя!“

„Что въ буйствѣ, дерзка, предпріала?
 Къ гибели своей она
 Войной прошивъ того возстаа,
 Изъ перси къмѣ сотворена;
 Измѣной адской обольщена,
 Предъ злобною Царицей шьмы
 Въ знакъ рабства пала на колѣна;
 Ошринушъ Богъ, презрѣнны мы!“

Изшоргувшись вдругъ развѣрена
 Изъ ада буря какъ лешитъ,
 Крылами вихрей восхищена;
 День ноцію, ноцъ днемъ шворишъ,
 Сшихи съ ревомъ побуждаешъ
 Сражашъся яро межъ собой,
 И вмигъ въ природѣ разрушаешъ
 Порядокъ дневный и покой.

Такъ Фуріями вдохновенна,
 Съ геенскимъ фанеломъ въ рукахъ,
 Спрямишься масть предерзновенна
 Сердца воспламеняшь въ сынахъ:
 Въ нихъ буйство, злобу возбуждаешь,
 Спраснямъ свирѣлешвовашъ велишь,
 Блаженства прочнаго лишаешь
 И адскими мечшами льстишь.

Безумные безумной внежлешь;
 Воше въ нимъ совѣшь ихъ вопишь:
 Оружье адское подвемлешь,
 Гошвы съ небомъ въ бой всшупишь.
 Падушъ со шрескомъ Царски шройы,
 Дымящя въ пелѣ олшари,
 Ногами пошраны законы,
 Шумящъ кровавые ручьи.

Смиришесь, брашья, ослабилены,
 Иль дерзнихъ васъ смирю единъ!
 Вослинулъ мразомъ возвращенный
 Межъ льдами шпашный исполнъ:
 Съ васъ иго адское низвергну,
 Я васъ засшавлю мирно жить;
 Влашь Царску, Вбру чшшишь свищонну
 И добродѣтели любить.

Онъ рекъ, и мечъ сверкаешь
 И адски полчяща падушъ;
 Коварство что ни вымышляешь,
 Ничтожнымъ зришь оно свой шрудъ;
 Яришь шаршаръ, негодуешь,
 На раны, поблѣдывъ, глядишь,
 Не съ небомъ купно Россъ ликуешь,
 Зра дерзосшнихъ уронъ и штыдъ.

„Грядемъ въ страны благословенны,
 Тамъ Вбра слушницамъ речешъ,
 Гдѣ ндемена живущъ мнѣ вбры:
 Тамъ насъ усердіе ихъ ждешъ;
 Для насъ и храмы шамъ ошверсы,
 Гошovy чысны жершвы намъ,
 Но сердце Россовъ чуждо лесшн,
 То намъ прекрасный будешъ храмъ.“

Гряди къ намъ Вбра благодашна!
 О коль намъ вождельшна шы!
 Спрана у насъ сурова, хладна,
 Но сердце полно шепашы;
 Найдешъ въ немъ доблесшъ и покорносшъ
 Тебѣ, законамъ и Царю,
 Найдешъ всегдашнюю гошовносшъ
 Принесшъ вамъ въ жершву жизнь свою.

Во вбни царшвуй шы надъ нами
 О Вбра! шы блаженсшва машъ;
 Мы любимъ, чшмъ себя сердцама,
 Сшремимся сшнпешрѣ швой лобзашъ:
 Ты въ жизни сей для насъ ошрада,
 И въ вѣчношн веселье намъ.
 Терзайшеса любимцы ада:
 Вамъ горе здѣсь и горе шамъ!

СОНЕТЪ (*).

Колико, Господи, судьбы Твои правдивы!
 Веселіе Твое — намъ милости шворишь;
 Но Ты, Создатель, зришь души мои сиротивы,
 И правдою судя, мнѣ можешь ли простишь?

* * *

Такъ, Боже, предъ Тобой я грѣшникъ нечесливый:
 Достойно власшь Твоя мнѣ казнь опредѣливъ:
 Благосль не долженъ рабъ, какъ я, грѣхлюбивый,
 И благосль къ намъ Твоя его не пощадишь!

* * *

Пролей Ты на меня всю праведную яросль,
 Яви къ слезамъ моимъ презрѣніе, не жалосль:
 Гривъ, громомъ порази, и бранью брань ошмщи;
 Погибну я законъ и гивъ Твой обожаа.

* * *

Но что! куда перуи повергнешь Ты?
 Зри! — всюду кровь на мнѣ Христова пресвятаа.

МОЛИТВА.

Услышь меня, о Боже, съ вышешы!
 Мольбу единую къ Тебѣ я возсылаю:
 Подаи, Всещедрый, мнѣ не шо, чего желаю;
 Но шо, что Самъ подашь восхощешь Ты!

(*) Переводъ изъ Дебара.

VIII.

ПРОЗАИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

СКАЗАНИЕ О ѠЕМИДѢ И ОБЪ ИНОПЛЕ- МЕННЫХЪ ПРИКАЗНЫХЪ.

Обижаемая нами планета значить менѣе во вселенной, нежели какой нибудь уѣздный городъ въ обширной Россійской Имперіи. Удивительно ли, что богиня Правосудія не часто посѣщаетъ нашъ уѣздный міръ? Ея присущствіе нужно и для другихъ планетъ, изъ коихъ нѣкошорыя, по своему пространству и многочислу, заслуживаютъ названіе міровъ Губернскихъ. Таковъ Юпитеръ: онъ въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе земли. Московскій гигантъ Иванъ Великій ничто въ сравненіи съ Юпитерскимъ подъячимъ, котораго карманъ ужасная бездна, могущая поглотить всѣхъ крючкотворцовъ земнаго шара. Вотъ какими приказными громадами озабочено теперь Правосудіе! — Не столько восхищается земнородный крапивнаго естества, наблюдая сквозь очки движеніе красной ассигнаціи въ рубль просителя, сколько восхищался одинъ знаменитый Астрономъ нашей планеты, взирая сквозь волшебный телескопъ на слѣдующее произшествіе:

Быспро напилася Ѡемидина одноюлкою по эерной сполбовой дорогѣ. На границѣ Юпи-

перской атмосферы удивительное зрѣлище предспавилось очамъ Ѳемиды: шесть парадныхъ филиновъ важно подвигали шоржеспивенный берлинъ, опкуда выгадывала угрюмая Ночь, оправляя на себѣ блестящія звѣзды. Сіяющая мрачность согласилась, по усиленной прозбѣ Правосудія, закрыть звѣзды свои черною манпильею. Симъ воспользовалась Ѳемида, и очутилась на площади одного города, подлѣ огромнаго зданія, не въ величествѣ богини, но въ смиренномъ видѣ челоуишчина. Какое-то гореспичое предчувствіе спѣснило сердце Ѳемиды! Появившаяся луна указала ей на крыльцѣ высоиныхъ алашъ: чернильницы сокрушенныя, бумагу разперзанную и перья изгрызенныя. — Здравспвуй, Правосудіе-челоуишчииъ! въщала сѣ усмѣшкою Луна: Сшранно миѣ, Ѳемида, что ты при одномъ взглядѣ на посвященный тебѣ храмъ повѣсила уже носѣ. О! сколь будешь ты ушѣшена, когда лучезарный братѣ мой покажетѣ тебѣ служишелей швоихъ. Клянусь Спиксомъ, что на Юпитерѣ подьячіе самѣ неугомонныя швари. Теперь, во время всемирной пишины, иные изъ нихъ за наршочными шполами гремяшѣ алшынами, другіе при неистовыхъ восклицаніяшъ бьюшѣ въ дребезги опорожненныя флаги и красосули; иные же въ ябедническомъ изспушленіи зашпавляюшѣ кричать нещасшныя перья; даже и шѣ, кошорыхъ Морфеи держишѣ на при-

визи, нарушають спрешнимъ храпѣніемъ
 спокойствіе природы. Прости, жалкое подь-
 яческое божество! скоро увидишься ты съ
 Авророю. Багряная сія богиня не замедлила
 показаться верхомъ на красной лошади. И
 съ богини, и съ коня сыпались румяна. При-
 мѣшя въ Оеидѣ удивленіе, Заря сказала ей:
 такъ ли ты удивишься, когда увидишь дѣв-
 спвенную красоту подъячихъ здѣшной пла-
 нешы. Райскія розы цвѣшуть на ихъ пух-
 лыхъ ланипахъ, и небесная лазурь (бываетъ
 не рѣдко) у нихъ подъ глазами. Внезапно
 опворились двери храма и вышло нѣкое при-
 казное чудо для нѣкоего нешерпящаго про-
 волочки дѣла. Ужасный писарь возврапился
 въ свое логовище, зѣвая и попягиваясь. Не
 только бѣднаго челобитчика, но и Аврору
 взглядомъ онъ не удостоилъ. — Вотъ, сказала
 Аврора Оеидѣ, одинъ изъ своихъ причеш-
 никовъ. При наступленіи ночи Морфей за-
 спалъ его въ храмъ своемъ еле движущагося,
 и повергъ безчувственна съ презрѣніемъ подъ
 лавку. Ахъ! еслибы Морфей не подъ лавку,
 но въ преисподнюю забросилъ сіе скаредное
 порожденіе ябеды, находившееся при по-
 вѣд-
 немъ издыханія, онъ чрезмѣрнаго приема
 пьяной акциденціи. Ты видѣла, какъ грубо
 обошелся со мною ярючокворецъ. Но мо-
 жешь ли Заря обижаешься нечувствитель-
 ностію сего живошнаго. Само солнце ни-
 когда не зрѣло на Юпитерѣ такого дива,

чшобы великолбпемь его восхищался подьячій. Въ гадахъ и въ чудовищахъ возбуждаютъ, кажется, солнечные лучи ибкопорое чувство благодарности, а въ подьячихъ, въ сихъ одаренныхъ жизнью куфахъ, производятъ они только броженіе. — Правда! воскликнулъ Фебъ;—и Заря, засвидбшельствовавъ ему и Фемидб усердное почитаніе, усккала. Въ слбдб за нею опправилась и пишина. — Разнозвучные голоса колосальныхъ жителей Юпитера попрысали воздухъ. Сиповаший и принужденный подьяческій голосъ опличался отъ другихъ и былъ несносенъ для ушей Правосудія. — Вскорб покрылась Фемидина площадь нижайшими формами: онб имбли скрюченное шуловище, проворныя ходули, оспрые когти, желбзной лобъ, мушныя глаза; ноздри шабаву алчуща, успа водки жаждуція, уши длинныя, пернашыя и карманы широкіе, укладисшыя. Хицное сонмище раздблилось на двб часпи: меньшая, кашпая и кряхпя, вспунила во храмъ Правосудія, а большая направила стопы кб Бахусову капищу. — Богиня-челобипчикб дрожащею ногою коснулася прага судилища. Остановись! грозно сказала ей ибкая пббшная особа: я здбшняго храма понамарь! должностъ моя состоитъ въ томб, чшобы наполняшь жертвенные сосуды чернилами и собирашь пошлину со входящихъ въ Фемидино свящилище моельщиковб. По-

дай алпыны! — Тщешно Правосудіе увбрыло своего понамаря, что оно, по неизбнїю широких кармановъ, не могло запаспись алпынами: грубой алпынникъ хотблв уже опшолкнушь, отъ дверей ббднующую свою богиню; но Фебъ такъ сильно бросилъ лучъ въ его пбшивую голову, что пошлина вылетбла опшуда вмбстб съ памяшью. — Освобожденная отъ приазнаго Цербера Фемида вошла вовнутренность храма. Какая чрезвычайная жаршина поразила взоры Правосудїя! Тамъ спрашная бумажная гора возносила до пополка гордое свое чело, увбичанное паушиною; а здбсь проспиралось длинное деревянное поле, усбянное чернильницами и шабакерками испещренное; по краямъ его возвышались бумажные холмы, на кошорыхъ съ крикомъ ббгало многочисленное стадо гусиныхъ перьевъ. Принуждали ихъ къ тому бездушные дьячки храма. Къ одному изъ сихъ дьячковъ, сирбчь, подьячихъ, подошла богиня-челобитчикъ и сказала ему, что ей нужна помощь Правосудїя. Подьячїй, не говоря ни слова, пропянулъ къ ней руку. Фемида подходила къ каждому изъ нихъ по очереди, но всб они молчали и пропягивали руки. Богиня погрузилась въ мрачную задумчивость. Вижу, шепнулъ ей наконецъ подьяческїй голосъ, что шы челобитчикъ непросвбщенный. Пойдемъ въ капище премудраго Бахуса, принесемъ ему на пивой щешъ ушреннюю жершву, и тогда опирю

шебѣ важныя таинства нашего храма. Открой мнѣ напередѣ, сказала Фемида, гдѣ ваши жрецы, гдѣ вашъ дьякъ и гдѣ вѣсы правосудія? Все сіе принадлежитъ къ таинствамъ, отвѣчалъ подьячій. Взглянувъ на него съ презрѣніемъ, Фемида вышла изъ храма. — Она возвела къ Солнцу печальные взоры. Чувствительный Фебъ и самъ прослезился. Онъ подавъ ей знакъ, чтобы слѣдовала за нимъ, и привелъ ее на одинъ проспранный дворъ. — Здѣсь толпа народа, обремененнаго различными приношеніями, пѣснилась во-кругъ огромныхъ вѣсовъ. Съ опечаленіемъ увидѣла Фемида надпись: *вѣсы правосудія* и споявшаго подлѣ нихъ жирнаго дьяка. Посмотривъ, говорилъ дьякъ, одному ошвѣщику, что ты въ свое оправданіе положишь на сіи безпристрастные вѣсы. — Я кладу, сказалъ несчастный, мою совѣсть, мою обиду, мои слезы. — И только! возгласилъ дьякъ; а ты, господинъ испецъ, что положишь въ доказательство справедливости своего иска. — Не только положу, но и поспавлю, отвѣчалъ судьяга. Кладу сію сафьянную архиву наполненную синими, красными и бѣлыми докуменшами; въ дополненіе же спавлю я на безпристрастные вѣсы фуру пишательныхъ докуменшовъ и сероковую бочку самаго крѣпкаго доказательства справедливости моего иска. Ошвѣщикъ проигралъ, воскликнулъ дьякъ: *вѣсы Правосудія* упали на швою,

испецъ, сторону. Иди свмиромъ и поклонися жрецамъ.— Чувствуешь ли ты, св гдѣвомъ у дьяка спросила Фемида, что такое Правосудіе.— Очень чувствую, отвѣчалъ дьякъ, погладивъ себя по толстому чреву. Правосудіе, очищенное отъ акциденціи, сосшавило бы нѣкую воздушную снѣдь довольно, можетъ быть, сыпную для поспыныхъ людей, именуемыхъ добрыми: но весьма не удовлетворительную для привазной лакомой ушробы. Утверждають въ школахъ, что Правосудіе добродѣтель, а преданіе гласитъ, что оно Правосудіе божество; но можетъ ли сія добродѣтель, сіе божество сравниться съ свѣжепросольною осеприною и съ копченымъ окорокомъ?— О Солнце, вскричала Фемида, принявъ на себя величественный видъ богини, ты обпекала вселенную, вѣдай: гдѣ еще роспушъ столь подыме дьяки и подьячіе?— Нигдѣ, отвѣчалъ Фебъ. Въ небольшомъ мірѣ, называемомъ Землею, привазные не столь крупны, какъ на Юпиперѣ; но они могутъ почесться украшеніемъ своей планеты. Земные дьяки и подьячіе не опиваютъ и не обыгрываютъ просишелей, не кривятъ душою, чужды лбеды, непричастны акциденціи, усердны Государю и Правосудію. Если бы шамъ осмѣлился дьякъ перенести изъ судилища на свой дворъ вѣсы правосудія: то онъ былъ бы осмѣянъ, презрѣнъ и повѣшенъ.— А ты, людоѣдъ, вѣщала Юпиперскому дьяву

Фемида, думаешь ли, что злодѣянія свои останутся не наказанными? Позовише ко мнѣ искуснаго Анапомика!—Всепресвѣтлѣйшая богиня, возопилъ дьякъ, бью челомъ о нижеслѣдующемъ: повели разсмотрѣть мое уголовное дѣло судебнымъ порядкомъ и дозвожь мнѣ окаянному умереть по формѣ.— Между тѣмъ явился искусный Анапомикъ, и узнавъ, что должно попросить дьяка, произнесъ, по сему случаю, вѣщевашую Лапминскую рѣчь. Помомъ разшянувши дьяка на сороковой бочкѣ, принялся анапомикъ его карманъ. Дьякъ ощутилъ ужасное мученіе и поднялъ жалкой крикъ. Посинѣвшее лице и судорожное движеніе персповъ, недавно алшыны принимавшихъ, показывали исходъ дьячей души. Вскорѣ вылетѣла она изъ распорошаго кармана въ образѣ непопыря, и спсрадалецъ пресшавился.—Богиня приказала разрѣзати лавомую упробу, но Анапомикъ поклялся всею Миеологіею, что отъ всыррышія дьячего чрева непременно произойдетъ моровая язва.—Въ головѣ у дьяка найдено, сверхъ множества крючковъ, основацельное познаніе о ходячей монетѣ, о напишкахъ и свѣслныхъ припасахъ; подъ ябедническими ногтями примѣчено ядовитое чернило, а въ груди (къ лѣвой сторонѣ) ошысканъ большой камень. Фемида повелѣла на семъ камнѣ вырѣзати надпись: *гусьветельное сердце Юпитерскаго дьяка*—и сію напшураль-

ную рѣдкость опослала въ Кунспкамеру. Туда же опправила и дьячій прупѣ, посадивши въ наполненную спиртомъ сороковую бочку.—Неизвѣстно еще, какъ поступлено съ подьячими. Но весьма вѣроятно, что они наказаны публично анапомическимъ ножемъ и сосланы въ Кунспкамеру.

Преблагородные дьяки и подьячіе здѣшняго міра! вы, безъ сомнѣнія, гнушаетесь пороками и злодѣйствами преподыхѣ вашихъ собратій на Юпишерѣ. Сколь вы почтенны и щасливы, есѣли вы добродѣтельны. Въ пропивномъ случаѣ спрашайтесь Правосудія и ножа анапомического.

ИСТОРИЧЕСКОЕ и ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНИЕ о БЛОХЪ (*).

Блоха занимаетъ не послѣднее мѣсто между мучителями рода человѣческаго. Чернота ея показываетъ, что она есть изчадіе ада. Много ли шакихъ щасливцевъ, которые бы хотя однажды въ жизни не испытали лютоści сего чудовища?— Блоха не сморитъ ни на возрастъ, ни на состояніе; не смягчается прозьбами, не боится угрозъ; докучлива какъ проситель, увертлива какъ подьячій, когда персты уязвленнаго имъ Правосудія спремятся его раздавить.— Исторія представляетъ намъ ужасный примѣръ вшей, умершвившихъ Римскаго Дикшапора Силлу. Паупархъ, повѣстующій о семъ ужасномъ пораженіи гордости, отдаетъ лавровый вѣнокъ однимъ только вшамъ; но кто не видитъ здѣсь его пристрастія, и кто усумнился, чтобы блохи, всегдашніе союзники вшей, не принимали участія въ достопамятной ихъ побѣдѣ. — Такъ! міръ пренебалъ предъ Римомъ, Римъ предъ Силлою, а Силла воспрепещалъ не предъ одними вшами,

(*) Намечтано въ Вѣстникѣ Европы.

но и предъ достойными ихъ союзниками. Опдавая, шанимъ образомъ, должную блохамъ справедливость, признаемъ, что поржеспво ихъ надъ могущеспвомъ побѣдителя Марія и Мипридаша сколь унижительно, споль и полезно для сильныхъ міра сего. Не лучшели оно краснорѣчивѣйшей проповѣди учить ихъ смиренію?—Греція шакже не мало потерпѣла отъ нашеспвій соединенныхъ варваровъ блохо вшей. Могучему ея Геркулесу легче было поразить Немеяскаго льва, Лернскую гидру и ужаснаго дракона, нежели богатырскою своею палицею убить ходя одну блоху!—Нынѣшнія времена могущъ, по справедливости, гордиться предъ древними тѣмъ, что ни одинъ полководецъ не погибъ подобно Силъ. Умалчивая о войнахъ другихъ народовъ, скажу, что наши Герои, хотя часто принуждены бывающъ сражаться съ многочисленными арміями Азіятскихъ и Европейскихъ блохо-вшей; но шакъ же храбро побѣждающъ ихъ, какъ и прочихъ своихъ неприятелей. При всемъ томъ блохи шакovy и нынѣ, каковы были при Геркулесѣ. Онѣ не измѣнились подобно Римлянамъ и Грекамъ. Между тѣмъ, какъ сіи послѣдніе, забывъ славу Перикловъ, Эпаминондовъ и Агезилаевъ, рабодбно повергаются предъ Сушаномъ, блохи, сохраняя древнюю независимость, мужеспвенно нападающъ на его шучное величество. — Тщешно въ Серафъ урод-

ство сшержеишь красолу: республиканцы врывающся шуда и, наслаждаясь прелесными Сулшаншь, приводяшь въ бѣшенство ревниваго ширана. — Чершюги прочихъ Государей не всегда безопасны ошъ блохъ: онѣ прыгающъ шамъ посреди другихъ насѣкомыхъ, кошорья приближающся ко шрону, къ нещасшю, иногда народовъ и Царей. Часшо, весьма часшо гонимая добродѣтель смиренно стоишь въ передней вельможи, а блоха, покровишельшвуемая форпуною, гордо присущшвуешь въ его кабинетъ. — Но ежели какой льстець думаетъ, что палаты Царей и вельможъ для блохъ неприступны, да вѣдаешь, что онѣ и самыхъ языческихъ боговъ посѣщали. Длинная Юпиперова брада не однократно касалась земли и служила блохамъ лѣспвицею на Олимпѣ. Сїи земныя блошцы большею частію оспавалися въ Зевесовой брадѣ, какъ говоришь преданіе, и сполько въ ней размножились, что дерзнули объявишь войну Царю боговъ. Мудрая Минерва совѣшовала Зевесу обришься, и шакимъ образомъ освободишь себя ошъ угрожавшихъ ему Тишановъ; но онѣ въ гнѣвъ, презирая бришву, повергъ Перунъ. Тогда потрясса Олимпъ, объяшая пламенемъ брада съ шумомъ низнала на землю и причинила потъ славный пожаръ, кошорый описываетъ Овидій во второй книгѣ превращеній! Будучи поэтъ, а не историкъ, Назонъ не былъ обя-

занѣ представишь сіе происшествіе въ истинномъ его видѣ; почему не удивительно, что онѣ здѣлали Фебову колесницу изъ Юпитеровой бороды, а Фаэтона изъ блохъ. — И шакъ, естли могущество Юпитера не успрашило неисповыхъ блохъ-Типановъ, по какая власъ на землѣ удержишь ихъ въ предѣлахъ уваженія? Чего же должна ожидать отъ нихъ добродѣтель? — Ахъ! не довольно ли терпишь она отъ злобы, зависти, коварства и предразсудковъ! надобно еще, чтобы и блохи преслѣдовали ее по пуши жизни. Но ушѣвшись, несчастная! праведное Небо любилъ себя болѣе, нежели Юпитера. Гордость, пышность, власъ во вѣки не укроются отъ блохъ: онѣ сыщутъ ихъ въ адѣ. А для тебя уготовано такое жилище, къ которому ни одна блоха приблизиться не дерзнетъ. — И ты, бѣдная ученость, щещно возносишься на чердакъ и, окруженная громадами книгъ, сидишь подъ парикомъ. Мизософы-блохи превозмогаютъ всѣ сіи укрѣпленія, усипремляются на тебя со звѣрствомъ Сарацынъ и упиваются твоею кровію. Когда же, послѣ храбраго сопротивленія, удаются тебѣ полонить хотя одного изъ шемныхъ враговъ твоей свѣтлости; ты не умерщвляешь его, какъ другіе, но съ безпримѣрнымъ блохолюбіемъ заключаешь только въ микроскопъ. Повергнись предъ Александромъ великодушнымъ, что въ Россіи дарованы тебѣ

надежнѣйшія средства защищаться отъ блохъ), нежели каковыми пользуешься ты въ Германіи. Въ Россіи не имѣешь ты нужды влѣзавъ на чердакъ, окружашъ себя книжною спѣною и пошѣшь, сидя подъ парикомъ. — Казалось бы, что черные кровопійцы должны ужиться въ мірѣ съ своими собратіями, незаконорожденными чадами Юриспруденціи. Душа подъячего, которую всякой можетъ видѣть за весьма умѣренную цѣну, даже и по нынѣшнему курсу, душа подъячего суцая блоха: также черна, также мѣлка, проворна, язвительна, безстыдна, ненасытна. При всемъ томъ блохи поспунаютъ съ подъячими шоль же нагло, какъ они съ своими несчастными жершвами. — Вся разность въ томъ, что блохи пьютъ одну кровь, а подъячіе и водку и вино и полпиво и пуншъ и кровь. — Да возстанетъ на нихъ смѣлѣная сила блохъ; да покроетъ ихъ отъ кармана до пера, лежащаго за ухомъ; да искусаетъ до костей и проникнетъ до сердца, которое щещно спарается грызть беззубая ихъ совѣсть.

Предоставляю мужамъ ученѣйшимъ говорить о началѣ, происхожденіи, законахъ и просвѣщеніи блохъ: матерія обильная, которою можно начинить нѣсколько огромныхъ фоліантовъ!

СЛОВЕСНЫЯ ОБЕЗЬЯНЫ:

Обезьяны составляющъ нѣчто среднее между человѣкомъ и прочими животными. Такая немаловажная честь особенно принадлежашъ тѣмъ изъ нихъ, которыя населяютъ значную часть Западной Европы. Видомъ и смѣшными ухватками онѣ почти тѣ же орангушанги; но отъ сихъ косматыхъ собратій своихъ отличаются, сверхъ гладкости шкуры, способностію болгашъ и наивъвать ари. — Какъ! скажущъ мнѣ, подымя сіи пвари имѣющъ безцѣнный даръ слова! — Ославьте восклицанія; намъ ли постигнушь намѣреніе Творца природы. Ему угодно было, чшобъ Европейскія обезьяны говорили, и онѣ говорятъ. — Словесные орангушанги, не смощря на сродное имъ непостоянство, жили всегда обществомъ. Они имѣли правительсво, и даже обряды Богослуженія, не потому, чшобы знали пользу и важность священныхъ сихъ установленій, но изъ одного только слѣпаго подражанія сосѣдственнымъ народамъ. Всякой легко себѣ представилъ, что царство обезьянъ должно быть презабавное царство. Если сіи животные и въ дикомъ, безсловесномъ состояніи, въ которомъ онѣ въ Африкѣ и другихъ жар-

нихъ спранахъ находящяся, могутъ зашавишь хохоташъ самаго угрюмага Лорда Англинскаго; шо будучи въ Европѣ общежительными и словесными, должны онѣ имѣшь въ высочайшей степени способность смѣшишь и забавлять. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не льзя было лучше предохранить себя отъ гипохондрии, какъ между ними, и попому люди, копорые боялись умереть отъ скуки, спѣшили къ нимъ ошовсюду. Столица ихъ была наполнена богатыми празднолюбцами. Проворныя обезьяны ревностно старались занять своихъ гостей достойнымъ ихъ образомъ. Для сего употребляли онѣ все свое неподражаемое, смѣхотворное искусство; и гости были сполько къ нимъ признапельны, что за кривлянья ихъ бросали имъ полными горстями не орѣхи, но червонцы. Блеспящіе діи кружечки весьма нравились Европейскимъ орангушангамъ: они хватали ихъ съ жадностію, разсматривали и перебирали съ любопытствомъ, побрякивали ими съ инокпорымъ щеславіемъ и берегли ихъ съ великимъ раченіемъ. Такимъ образомъ иная обезьяна стала богата, какъ Крезъ; а другой Крезъ, поживши въ столицѣ орангушанговъ, сдѣлался голъ, какъ обезьяна. Бѣдный сей человекъ подвергся неминуемо презрѣнію и наглости тѣхъ самыхъ животныхъ, копорымъ оказывалъ онъ свою непомѣрную и преглупую щедрость. Неблагодарные бросали въ

него грязью, дѣлали ему тысячу другихъ ругательствъ и принуждали его уходить безъ памяти изъ скотскаго ихъ царства. Дерзость и неблагодарность Европейскихъ орангушанговъ не могли произвѣсти въ людяхъ справедливой ненависти къ подлымъ и насильственнымъ шварямъ симъ, напрошивъ того безразсудная къ нимъ привязанность превратилась въ сильную спрассъ, и разумныя существа до того наконецъ унизились, что спали подражать обезьянамъ. Подобно имъ кривляясь, прыгая, лепетая—считалось ошлачнымъ достоинствомъ, а упражненія такого роду сославляли по, что называлось хорошимъ воспитаніемъ. Знашныя и досташочные люди съ великимъ иждивеніемъ выписывали словесныхъ орангушанговъ и съ сердечнымъ удовольствіемъ поручали имъ дѣшей своихъ. Подъ руководствомъ превосходныхъ сихъ учителей питомцы быспрыми успѣхами восхищали своихъ благодарныхъ родителей. Въ короткое время дѣлались они также забавными, какъ и насмѣяники ихъ. Орангушангское воспитаніе сколько было уважаемо, въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, что самая лестная, для молодого мужчины, или женщины, похвала состояла къ семъ привѣтствія: вы, сударь, или сударыня, ни мало не походите на человека; вы совершенная обезьяна, или по крайней мѣрѣ имѣли щастіе воспитан-

ваясь въ столицѣ словесныхъ обезьянъ. Но перестанемъ говоришь о семъ постыдномъ заблужденіи людей; умолчимъ о пагубныхъ его слѣдствіяхъ, и заглянемъ опять въ царство Европейскихъ орангушанговъ. Нѣсколько въковъ члены забавнаго сего общества играли, шакъ сказать, почти всегдашнюю комедію. Если бывали иногда прагматическія представленія, то онѣ сопровождаемы были пошь спраанными кривляньями, что вмѣсто сожалѣнія возбуждали въ зрителяхъ громкій смѣхъ. Обезьяны казались почти нечувствительны къ бѣдствіямъ: чшобы имъ ни приключилось, онѣ прыгали и пѣли. Непрерывная веселось ихъ и многія выгоды, копорыя онѣ ошь людей получали, дѣлали ихъ щасливыми живошными. Но могла ли существовать вѣчная дружба между непостояннымъ щасіемъ и вѣшренными обезьянами? Долговременное согласіе наскучило и шому и другимъ. Обѣ спороны, для любезной перемѣны, желали здѣлаться непримиримыми врагами. Коварный нѣкій духъ постарался исполнить взаимное ихъ желаніе. Чшобы на всегда поссорить Европейскихъ орангушанговъ со щасіемъ, онѣ внушилъ имъ дерзкое, для нихъ и для свѣша пагубное предпріятіе. Словесныя, но бессмысленныя швари сіи возмечтали, чшо онѣ въ сосшояніи не шолько сравнишья съ людьми, но и превзойти ихъ. Онѣ захошлы перешлупишь чершу, опдѣляющую,

шаю сказашь, словеснаго орангушанга отъ
 истиннаго челоуѣка, чершу, подѣ которой
 всякая обезьяна должна сказашь себѣ: *non plus
 ultra!* захоуѣли онѣ умствовашь. Въ продол-
 жение нѣсколькихъ спольшій грубая ихъ душа
 (если позволено какую-нибудь душу полагаешь
 въ орангушангѣ) достигла мало по малу до
 возможнаго для обезьяны совершенства, но
 желая идти далѣе, какъ ракъ поползла назадъ.
 Обезьяны опниудь сего не примѣшили:—бредъ
 свой почитали онѣ умствованіемъ, и всякой
 вздоръ, какой только приходилъ имъ въ голову,
 выдавали за важное опкрытие и неоспоримую
 истину. Все имъ не нравилось, все хоуѣли
 переверкашь, и виужали отъ досады, чув-
 ствуя себя не въ силахъ вселенную въ верхъ
 дномъ опрокинуть. Орангушанги присвоили
 себѣ названіе философовъ. Посмотримъ
 шецерь, въ чемъ состоитъ великая ихъ пре-
 мудрость. Орангушангскій философъ дол-
 женъ бытъ также опличенъ отъ нефилосо-
 фа, какъ зеленая маршиска отъ пифика съ
 бѣлою бородою; онѣ презираешь всѣ обязан-
 ности, не имѣешь ни спраху, ни надежды,
 и боится только одной висѣлицы; осмиваешь
 все шю, что челоуѣческимъ благора-
 зуміемъ и опытноспію признано за нужное,
 полезное и священное; что возвышало и
 дѣлало щасливыми не только людей, но
 нѣкоторымъ образомъ и самыхъ словесныхъ
 обезьянъ; единственнымъ своимъ законо-

нодашелемъ почишаешъ онъ природу, а недѣльные бредни свои, силенности, прихоти и спраски называешъ ея законами. Сообразно съ сими законами философу приличнѣе ходишь на четверенькахъ, нежели на двухъ ногахъ; онъ можешъ смѣло посадишь на вершнѣ подобнаго себѣ философа, и сжаривши его, свѣсшь какъ барана; ему непристойно любить своихъ родителей, и сокрушаться о смерти ихъ, по той важной причинѣ, что никогда волъ не заботится о бѣдномъ состояніи пресвятаго бапюшки своего быка, и никогда оселъ не оплакиваешъ покойной мапушки своей ослицы. Словомъ: вообразишь всѣ гнусныя, смѣшныя, жалкія и ужасныя свойства, какія только въ самыхъ низкихъ скопахъ когда-либо замѣчены были, и мы увидимъ тѣ совершенства, къ которымъ ведетъ орангутангская философія.

Не съ такою скоростію и легкостію Африканскія марпышки вскарабкиваются на вершину пальмоваго дерева, съ какою Европейскіе орангутанги стремились на высоту новой премудрости. Успѣхи ихъ были удивительны. Въ чему много способствовала чрезвычайная ихъ дѣятельность, переимчивость, а особливо удобность, съ какою они повсюду и безъ великаго труда могли пользоваться ученіемъ: всякой хлѣвъ былъ для нихъ Академія, и всякое четвероногое животное могло, не хуже Канпа, преподавать имъ практичес-

скую философію.—Между орангушангскими мудрецами наиболѣе прославилась одна длинная, желтая, пощая, уродливая обезьяна. Для нѣжнаго уха пріятно будетъ слышать, что она называлась *Rl-oeua*; но была извѣстнѣе подѣ именемъ *Ubrt-eoia*. Ее почитали апаманомъ многочисленной философической шайки. Одинъ орангушангъ, коего сладкозвучнаго имени я не помню, написалъ толстую книгу о семъ длинномъ (я хошѣлъ сказать великомъ) своемъ соотечественникѣ. Со всею почтоспю историка повѣствуешь о нѣмъ, что желтая обезьяна, по большей части, ходила въ красныхъ шпанахъ и въ огромномъ рыжемъ парикѣ. Ему казалось, что и сіе обстоятельство будетъ нѣкогда для свѣта драгоценно. Вотъ какъ уважали орангушанги первоснапейнаго мудреца своего! Но не одни Орангушанги, нѣтъ! должно, къ стыду челоуѣчества, признаешь, что весьма многіе изъ людей почти боготворили безобразную сію обезьяну. Она шакъ искусно приправляла философское вранье свое, что прудно было, отвѣдавши его, узнать сокрытый въ немъ ядъ. Однимъ какимъ-нибудь насмѣшливымъ привлянемъ заславляла она молчашь и здравый смыслъ, и совѣсть. Ея стараніемъ новая премудрость, какъ нѣкая зараза, распространилась повсюду. Молодые люди, по легкомыслию своему полъ близкіе къ обезьянамъ, были наиболѣе подвержены прилипчи-

вой сей болѣзни. Они гордились именемъ орангушангскаго философа, доказывая сужденіями и поступками своими, что не напрасно присвоили себѣ пышное сіе названіе. — Вѣру, любовь къ ошечеству и всѣ истинно челоѵческія добродѣтели почитали заблужденіемъ, предразсудкомъ, невѣжествомъ, варварствомъ; а слово *добрый* было тогда только ими употребляемо (особливо на любимомъ ихъ орангушангскомъ языкѣ), когда хотѣли они бранить или осмѣять кого-нибудь. При такихъ достоинствахъ чего недоставало имъ, чтобы быть совершенными философами? того только, что они все еще, не извѣстно по какой причинѣ, ходили не на четверенькахъ! — Длинная обезьяна прыгала отъ радости, видя орангушангскую философію въ полъ цѣвшащемъ состояніи; но смерть прекратила ее кривлянья, прежде нежели созрѣли плоды скопскаго ея ученія. Злое зелье сіе было, по возможности, искореняемо разсудкомъ въ странахъ, населенныхъ людьми: но въ царствѣ Европейскихъ обезьянъ ничто не могло препятствовать его размноженію. Словесные орангушанги съ жадностію пожирали дурманъ сей, и обѣвшись его, пришли въ несказанное бѣшенство. Вдругъ изъ забавныхъ животныхъ здѣлались свирѣпыми чудовищами. Нестало въ царствѣ ихъ порядка, который предки ихъ, древнія обезьяны, отъ людей заимствовали.

Какъ самые опасные изъ Американскихъ змѣевъ, узнающаго по гремушкамъ, такъ самые лютые изъ Европейскихъ обезьянъ замѣтны были по краснымъ колпакамъ. Подъ ихъ предводительствомъ бѣшеные орангутанги съ неописанною яростію бросались другъ на друга, грызлись и рѣзались между собою. Можно ли было думать, чѣобы неслыханные до того времени ужасы произошли отъ столь смѣшныхъ шварей! Конечно бы неистовое племя ихъ само собою испребилось; но въ нещастію свѣта появилась между ними обезьяна, ростомъ съ пифика, но гораздо его безобразнѣйшая. Пифицъ сей одержалъ верхъ надъ красными колпаками, и мало по малу поработилъ себѣ и всѣхъ словесныхъ обезьянъ. Казалось, что припадки бѣшенства ихъ прошли; но скоро увидѣли, что сіе было только временное облегченіе въ ихъ болѣзни. Первые признаки возобновившагося бѣшенства оказались въ уродливомъ ихъ обладашѣ, а въ слѣдъ за нимъ одурѣли, по прежнему, и подвластные ему. Заскрежеталъ зубами, пустилъ пѣну ртомъ, и таща за собою премногочисленную сволочь, ворвался въ сосѣдственныя Государства, опустошилъ Западъ Европы и бросился на Сѣверъ. Но грозный Сѣверный народъ умѣетъ потчивать незваныхъ гостей: то испытывали нѣкоторыя завоеватели, то испытываетъ достойный ихъ подражатель бѣшенный Ци-

фийв. Уже половина предводимыхъ имъ орангушанговъ погибла ошв жестокой діарреи, копорая произошла ошв сильно на нихъ подѣйствовавшаго сшраха, при первой встрѣчѣ св раздраженными Гиперборецнами. Оспальные, безв сомнѣнїя, будущъ перекочены вв непродолжительномъ времени. Можно бы здѣлашь имъ слѣдующую надгробную надпись, копорая бы послужила, можешъ бышь, ввкопорымъ наспавленїемъ для ихъ соошечеспвенниковъ и единомышленниковъ: *обезьяны! хотите ли быть щастливы: крикните, но не умствуйте; однакожъ ввипно искренивѣйшїй прїяшель мой, спраспный спихошворецъ, копорый и во снѣ бредишь ямбами, ушверждаешъ, что заготовленная имъ эпишафїя гораздо лучше сей надписи.*

Св согласїя его помѣщаю ее здѣсь вв концѣ моего о словесныхъ орангушахъ повѣствованїя.

Э П И Т А Ф І Я.

Почшо, прохожїй, спадъ, узрѣвъ сія могилы?
Иль мыслишь: здѣсь лежатъ безспрашныя Ахиллы.
Бѣги, не заразишь ты воздухомъ спхъ сшранв,
Гдѣ бѣшевѣхъ толны зарышы обезьянв.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ДВУМЯ МЕРТВЕЦАМИ и МЕРКУРИЕМЪ.

**МЕРКУРИЙ, АНГЛИНСКІЙ ПОЕДИНИЦКЪ и ДИКІЙ
СЪВЕРО-АМЕРИКАНЕЦЪ.**

П о е д и н ц и к ъ .

Пока Харонъ переправится къ намъ съ другой стороны Спикса, позволь мнѣ, Меркурій, поговорить съ динимъ Съверо-Американцемъ, котораго ты сюда со мною привелъ. Я никогда не видалъ такого рода людей. Какой у него свирѣпой взглядъ! — Послушай! какъ тебя зовутъ; ты конечно говоришь по Англински?

Д и к о й .

Да! я выучился языку сему въ ребячествѣ, проживши нѣсколько лѣтъ между Англичанами въ Новомъ Йоркѣ. Но я возвратился къ Могокцамъ, храбрымъ моимъ землякамъ, прежде нежели достигнулъ совершеннаго возраста; и будучи при продажѣ рому, безчестнымъ образомъ обманутъ однимъ изъ своихъ соопчичей, старался всегда послѣ того не имѣть съ ними никакого дѣла. Однако же я сражался за нихъ вмѣстѣ съ про-

чими моими земляками въ послѣднюю прошивъ Французовъ войну, и убишъ, находясь въ паршии для сдиранія кожи съ череповъ непріяшельскихъ. Но я умеръ въ полномъ удовольствіи; ибо собратія мои одержали побѣду, и покуда меня застрѣлили, удалось мнѣ, въ славу моей, снять кожу съ семи мужчинъ, пяти женщинъ и нѣсколькихъ младенцевъ. Въ прежнюю войну совершилъ я гораздо блистательнѣйшіе подвиги. Меня называютъ кровожаднымъ медвѣдемъ; имя сіе дано мнѣ для означенія моей лютоści и неуспрашимости.

П о е д и н щ и к ъ .

Мое почтеніе г. кровожадный медвѣдъ: я вашъ покорнѣйшій слуга. Меня зовутъ Томою Пошуеломъ. Фамилія моя очень извѣстна въ Аршурѣ. Я родомъ дворянинъ, а ремесломъ каршежный игрокъ и человекъ съ честью. Убиваешь людей на похвальныхъ поединкахъ мое дѣло; но я не маскеръ рѣзаетъ женщинъ и младенцевъ.

Д и к о й

Такъ мы воюемъ. У каждаго народа свои обычаи. Но я догадываюсь по своему свирѣпому виду и по скважинѣ, которая видна въ груди швоей, что ты также, какъ и я убишъ, находясь въ паршии для сдиранія кожи съ череповъ непріяшельскихъ. Какъ же, по

могло случиться, что неприятель швой не ободрал швоей головы?

Поединкиъ.

Я убитъ на поединкѣ. Другъ мой ссудилъ меня нѣкоторою суммою денегъ. Но спустя два, или три года, подвергнулся онъ самъ крайнему убожеству и захошѣлъ, чшобъ я съ нимъ расплашился. Мы сошлись въ Гайш-Паркѣ. Противникъ мой не умѣлъ драться на шпагахъ, а я былъ искуснѣйшій фехтовальщикъ въ Англии. Я далъ ему три, или чешыре раны, но наконецъ онъ съ такимъ бѣшенствомъ на меня устремился, чшо привелъ меня въ замѣшательство и пронзилъ въ легкое. На другой день я умеръ, какъ человекъ съ честью, равнодушно и безъ раскаянiя. Однако и онъ вскорѣ за мною послѣдуешъ, ибо лекарь объявилъ, что раны его смертельны. Говоряшъ, что жена его умерла съ печали, а смерть его приведетъ къ гибели все его семейство, состоящее изъ семерыхъ дѣтей. Такимъ образомъ я весьма уже опомщенъ и упѣшенъ! Чшо до меня касается, то у меня нѣтъ жены: я всегда гнушался женишьбою. Любовница моя найдетъ вѣрное средство прожить и безъ меня; а дѣти мои не останутся безъ призьрѣнiя въ воспитательномъ домѣ.

Д и к о й.

Меркурій! я не сяду въ лодку съ эшимъ негодяемъ. Онъ умершилъ своего согражданина; онъ умершилъ своего друга. На опрѣвъ говорю тебѣ, что не сяду въ лодку съ эшимъ негодяемъ. Лучше для меня переправись въ плавь чрезъ рѣку; я плаваю, какъ ушка.

М е р к у р і й.

Переплывишь черезъ Сшиксъ! нѣшъ! ты нарушишь законы Плунонова царства. Спупай въ лодку и успокойся.

Д и к о й.

Не говори мнѣ о законахъ: я дикій и мнѣ они неизвѣстны. Поговори о нихъ съ Англичаниномъ. Въ его опечестивъ еспь законы; но ты видишь, что онъ ихъ не уважалъ. Они бы не позволили ему умершилъ своего согражданина, и припомъ за то, что онъ попребовалъ своихъ денегъ. Я увѣренъ, что Англичане варвары; но они не могутъ быть свирѣпыми до такой степени, чтобы подобныя поступки признавались у нихъ законными.

М е р к у р і й.

Ты справедливо осуждаешь Англичанина; но тебѣ ли огорчаться убійствомъ, когда ты самъ умерщвлялъ сонныхъ женщинъ и младенцевъ въ колыбели.

Д и к о й.

Я убивалъ однихъ непріятелей. Я никогда не умертвилъ моего согражданина; никогда не умертвилъ моего друга. — На! положи въ лодку мое покрывало; но смотри, чшобы убійца на немъ не сидѣлъ, или не припрунлся къ нему; иначе я брошу покрывало мое въ огонь, который виденъ на шой споронѣ Спикса. Прощай — я рѣшился переплышь чрезъ Спиксѣ.

М е р к у р і й,

Сямъ прикосновеніемъ жезла моего лишаю тебя всей твоей силы, Пльви щеперь, когда можешь.

Д и к о й.

О могущеспвенный чародѣй! возврапи мнѣ мою силу. Право я не выду избъ повиновенія.

М е р к у р і й,

Возвращаю тебѣ силу твою, но веди себя порядочно и поступай по моимъ приказаніямъ. Въ противномъ случаѣ опасайся гораздо худшихъ послѣдствій.

П о е д и щ и к ѣ.

Ошдай его, Меркурій, въ мои руки. Пусть онъ будетъ подѣ моимъ присмотрѣмъ. Слушай дикой негодяй! какъ ты осмѣлился презирать моимъ сообществомъ? знаешь ли ты, что въ Англіи принимали меня въ лучшихъ собраніяхъ?

Д и к о й.

Знаю, что ты бездѣльникъ. Не заплашишь долгу; убишь друга, который ссудилъ тебя деньгами, за то, что онъ отъ тебя ихъ по-шребовалъ! Прочь съ глазъ моихъ! я утоплю тебя въ Спиксѣ.

М е р к у р и й.

Постой. Повелѣваю тебѣ, чтобы ты не дѣлалъ никакого насилія; разговаривай съ нимъ безъ сердца.

Д и к о й.

Долженъ тебя слушаться. — Ну! скажи мнѣ, какое находили въ тебѣ достоинство, что принимали тебя въ хорошихъ обществѣхъ? Что ты умѣлъ дѣлать?

П о е д и щ и к ѣ.

Ты уже слышалъ отъ меня, что я игралъ въ нарпы, сверхъ того у меня былъ хорошій столъ: ни въ Англии, ни во Франціи нигде не былъ лучше меня.

Д и к о й.

Такъ ты былъ хорошо! Да бѣдалъ ли ты печонку, стегно или плечо убитаго Француза! Вотъ развѣ славное кушанье! мнѣ на моемъ вѣку развѣ двадцать доставалось лакомиться Французящиною. Я всегда держалъ хорошій столъ. Жена моя во всей Сѣверной Америкѣ

почиталась искуснѣйшею въ приготовленіи Французскаго мяса. Ты, чаю, согласенъ, что кушанье швое никакъ не могло оравнишься съ моимъ?

П о е д и щ и к ъ .

Я неподобно панцовалъ.

Д и к о й .

Попляши-ка со мною. Я цѣлой день въ состояніи плясать, и пропляшу военный ша-нецъ съ большою живостію, нежели кто либо изъ моихъ земляковъ. Покажи ты намъ свое искусство! Чшо же ты споишь, какъ сполбъ? Не ужели Меркурій ударилъ тебя своимъ жезломъ? Или ты спыдишься показать намъ, какъ ты неловокъ и нескладенъ! Ешьяли бы позволилъ мнѣ Меркурій, то бы я тебя заставилъ пропанцовать такъ, какъ ты еще никогда не панцовалъ. Говори же, чшо еще знаешь ты, негодный самохвалъ?

П о е д и щ и к ъ .

И я долженъ все сіе переносить! О Небо! чшо мнѣ дѣлать съ эшимъ нахаломъ? У меня нѣтъ ни шпаги, ни пистолетовъ; а тѣнь его, повидимому, вдвое прошивъ моей силнѣ.

М е р к у р і й .

Отвѣчай на его вопросы. Ты самъ желалъ вспунить съ нимъ въ разговоръ. Онъ не хо-

рошо воспишанѣ; но ты узнаешь отъ него нѣсколько испинѣ, которыхъ по неволѣ долженъ будешь выслушать отъ Радаманпа. Онъ тебя спрашивалъ; что еще умѣлъ ты дѣлать, кромѣ того, что ты бѣлъ и шанцовалъ?

П о е д и щ и к ѣ,

Я весьма пріятно бѣлъ.

Д и к о й,

Ну шанъ пропой же мнѣ свою надгробную, или военную пѣсню. Я тебя вызываю пѣшь. — Но онъ онѣмѣлъ! онъ лжецъ, Меркурій. Все вралъ, что ни говорилъ, Позволь мнѣ вырвать у него языкъ.

П о е д и щ и к ѣ,

Меня называешь лжецомъ! — но ахъ! я не смѣю мстить ему. Какое безчестіе для всей Цошуаловой фамиліи! Вотъ сущее мученіе!

М е р к у р і й,

Прими отъ меня, Харонъ, сихъ двухъ дичихъ. Можешь ли грубое невѣжество оправдать сколько нибудь Могонца въ ужасныхъ его злодѣяніяхъ, о томъ пусть Миносъ разсудитъ. Но что сказать въ пользу Англичанина? не то ли, что поединки вошли въ обычай? но сіе извиненіе ни къ чему здѣсь для него не послужитъ. Не честь побудила его обнажить шпагу противъ своего друга, но фурія, и — къ нимъ должно его отправить.

Д и к о й.

Еспьли должно изверга наказать, пошлени
его ко мнѣ, Меркурій. Я великій мастеръ
мучить. Вошѣ шебѣ, бездѣльникѣ, на первой
разѣ нѣсколько ошѣ меня цинковѣ.

П о е д и щ и н ѣ.

О честь моя, бѣдная моя честь, какому
подверглась ты поруганію!

НѢЧТО ОБЪ УМѢ И ПРОСВѢЩЕНІИ.

Ничемъ столько человекъ не гордится, какъ умомъ. Мы охотно иногда соглашаемся, что есть люди знаменитѣе насъ, богачѣе, прекраснѣе. Много если пожалѣемъ о себѣ, что лишены такихъ преимуществъ, и позавидуемъ тѣмъ, которые ихъ имѣютъ. Но признайся чистосердечно, что мы когонибудь глупѣе, ужасно для нашего самолюбія, и трудно избѣгаешь тому нашей ненависти, кто спанетъ говорить намъ о сей несносной для насъ истинѣ.—Такое чрезвычайное къ уму приспращіе происходитъ, кажется, отъ внутренняго удословленія въ превосходствѣ сего божественнаго дарованія. Ему обязаны мы отличнымъ достоинствомъ существа своего. Кромѣ его, что можешь внушить намъ презрѣніе къ живописнымъ не одного съ нами рода? Чѣмъ похвалимся мы предъ ними? — Сильнѣе ли Милонъ слона? прелеснѣе ли Аншиной павлина? важнѣе ли Парацельсъ Индѣйскаго пѣлуха. Въ коварствѣ лисица поспоритъ съ самымъ шоннимъ полищикомъ, а въ хищничествѣ шитръ не уступитъ никому изъ завоевателей. Пусть угаснетъ въ человекѣ сія небесная искра,

и онъ сполько же будещъ имѣть права называться царемъ природы, какъ и всякая обезьяна.—Если умъ споль для насъ драгоцененъ; если другіе преимущества споль предъ нимъ ничтожны: по сѣ какимъ рвеніемъ должны мы спремиться ко всему, что можещъ пишатъ его и возвысиль. Каждое здѣланное нами размышленіе, особливо когда опирываещъ неизвѣстную намъ до того истину, или хотя умножаещъ спольно число нашихъ поняшій, должно восхищатъ насъ, а упражненіе такого роду бытъ пріятною и необходимою для насъ потребностію. Въ самомъ дѣлѣ, чувство сей потребности и желаніе удовлетвориль ей бывающъ въ чловѣкѣ сильнѣйшею изъ спраспей. Исторія представляещъ удивительныя пому примѣры. Сей проводиль жизнь свою въ шрудныхъ и опасныхъ путешествіяхъ сѣ единственнымъ намѣреніемъ распросранить кругъ своихъ познаній; потѣ, среди ужасовъ и разрушенія покойно наблюдаещъ смерпоносныя явленія (а); иной каплю мудросли предпочишаещъ бочонкамъ золота (b);

(а) Плиній старшій.

(b) Друзья Анаксагоровы просили его, чтобы онъ упошребиль нѣсколько часовъ для приведенія дѣлъ своихъ въ порядокъ. Могу ли, отвѣчалъ философъ, раздѣлять время мое между дѣлами и ученьемъ, когда я каплю мудросли предпочишаю бочкамъ золота!

другой, испоргнувъ у себя зрѣніе, отчуждается, шакъ сказашь, отъ всей природы, чшобы жишь и занимаешь однимъ умомъ (с). Такова его очаровательность! И быспро приближидось бы чловѣчество къ возможному своему совершеншву, еслибъ она одинаково на всѣхъ людей дѣйствовала. Къ сожалѣнію, не прудно увидѣшь разительную показаннымъ образцамъ прошивуположность. Весьма многіе въ опиошеніи къ ихъ уму походяшъ на шакого вишнядъ, который, паская при себѣ изъ одного хвастощства свой мечъ булашный, не забоишца ни мало, что онъ часъ отъ часу болѣе шупѣетъ и покрывается ржавчиною. Посмопримъ, на примѣръ на шакого нибудь моднаго вершопраха, съ какимъ усердіемъ и опасеніемъ всякую почши минуцу оправляетъ онъ свою пѣшущью причоску (à la coq); но въ десяти дѣшъ не взглянешъ на бѣдное состояніе своего умища. При всѣмъ шомъ гораздо болѣе польстишъ его самолюбію назвашь его просвѣщеннымъ чловѣкомъ, нежели когда ему скажешь, что онъ, нося на чловѣческомъ шуловищѣ ослиную голову съ пѣшущимъ гребнемъ, ещъ чудо естества и сокровище куншшкмеры. — Чшо же думаешь о людяхъ, которые ненавидяшъ просвѣщеніе и бѣгаютъ отъ него какъ отъ чумы? Тѣ, которые бла-

(с) Демоншъ,

гословляющъ невѣжество по долговременной
 къ нему привычѣ, заслуживающъ всякое
 снисхожденіе. Естественнѣе ли, чтобы чело-
 вѣкъ, родившійся и выросшій во иракѣ, могъ
 прославлять лучи солнца, которые въ первый
 разъ поражаютъ слабое его зрѣніе. Мало по
 жалу ощутивъ оное благошворное ихъ дѣй-
 ствіе, и тогда не позавидуешь прежнему сво-
 ему сословію. Отъхъ же, которые не пер-
 нятъ свѣща науки, какъ бы по особой
 своей природѣ, справедливо можно заклю-
 чить, что они чувъ филины и нещопыри
 рода человѣческаго; но какъ въ угожденіе
 мышамъ летучимъ не угаснетъ солнце въ
 мірѣ, коимъ управляетъ премудрое Боже-
 ство, такъ въ угожденіе мизософамъ не
 угаснетъ свѣтъ наукъ въ Государствѣ, гдѣ
 царствуетъ Геній богоподобный.

О П А М Я Т И.

Впечатеніе существъ постороннихъ въ составъ бытія нашего столь велико, что отъ него преимущественно зависитъ наша цѣлостность и разрушеніе, блаженство и бѣдствіе. Сами по себѣ мы ничтожны, и для того даны намъ чувства, чрезъ которыя знакомимся мы съ природою и получаемъ впечатлѣнія отъ предметовъ насъ окружающихъ. Въ чувствахъ источникъ удовольствій нашихъ и спаданій; но что бы былъ человекъ, еслибъ прошедшее для него не существовало? — Безчувственный камень былъ бы щастливѣе насъ несказанно. Родъ человеческой испробовалъ въ самомъ его началѣ; ибо какимъ образомъ избѣгнулъ бы онъ опасностей, и удовлетворилъ своимъ потребностямъ? Зло сіе могло бы приключиться, если бы міръ сей былъ дѣломъ слѣпаго случая и игры атомовъ; но онъ есть совершеннѣйшее произведеніе непостижимой Премудрости, одарившей насъ всѣми для щастія нашего нужными способностями, и между ними *памятью*. Она-то возобновляетъ въ душѣ нашей предметы, когда либо на чувства наши дѣйствовавшіе. Съ ея помощію человекъ въ другой часъ свѣта видитъ и слышитъ оставлен-

ныхъ имъ въ опечесствѣ друзей; старецъ окружаетъ себя предметами, занимавшими его во время юности. Память шворишь прошедшее настоящимъ, предметъ опдаленный при-существуящимъ.

Но что такое сія удивительная способ-ность?—Скажушь нѣкоторыя: она есть хра-нилище нашихъ понятій, почишаемыхъ ими за нѣчто вещественное. И шанъ, по ихъ мнѣ-нію, мозгъ славнаго Линнея былъ загромоз-женъ деревьями, Декаршову голову напо-няли вихри, Платонову преугольники, а Эпи-курову пустоша съ ашомами. Ничего нѣтъ забавнѣе и несправедливѣе. Ближе къ истин-нѣ сѣдующее. Мозгъ нашъ, имѣя сообщеніе съ органами чувствъ, приводится во время дѣйствія на нихъ какого нибудь предмета въ нѣкоторое опредѣленное движеніе (modi- fication). Въ такое точно состояніе можетъ онъ послѣ приходишь, будучи единственно волею къ тому побуждаемъ. Симъ образомъ произойдетъ въ душѣ нашей одинакое въ обоихъ сихъ случаяхъ измѣненіе ея положе- ния; ш. е. она будетъ занята одинакимъ предметомъ или понятіемъ; и въ семъ, на- жется, состоишь память. Пребываніе ея въ мозгу доказывается тѣмъ, что малѣйшее въ немъ поврежденіе ослабляетъ ее, а иногда и совсѣмъ пришупляетъ; между тѣмъ какъ самое лишеніе другихъ частей тѣла не пре- шашествуетъ ея дѣйствіямъ. Спросишь: гдѣ

же понятія наши, когда мы ими не занимаемся? Ихъ нѣтъ ни гдѣ, какъ звуковъ голоса нашего, когда мы молчимъ. — Изъ сказаннаго шеперь о памяти можно заключить, что совершенство ея зависитъ преимущественно отъ щастливаго устроения органовъ чувствъ и ея общаго. Аѳинскій полководецъ Фемистоклъ и математикъ семнадцатаго вѣка Паскаль были много въ себѣ обязаны природѣ. Они имѣли шель удивительную память, что первый въ годѣ совершенно выучился Персидскому языку; а послѣдній, пока не ослабѣлъ въ здоровьѣ, никогда не забывалъ того, что слышалъ, видѣлъ, или читалъ. Не всѣ однако Фемистоклы и Паскалы; не всѣмъ равно благошворитъ природа; но есть способъ усовершенствовать память, безъ которой прочія душевныя способности почти недѣйствительны и бесполезны. Способъ сей — *навыкъ*. Чѣмъ чаще и продолжительнѣе бываетъ въ душѣ какое нибудь измѣненіе ея положенія, тѣмъ съ большею удобностію оно въ ней возобновляется; п. е. чѣмъ чаще представляемъ себѣ какой нибудь предметъ, чѣмъ долѣе останавливаемъ на немъ вниманіе наше, тѣмъ съ большею скоростію и ясностію возраждается въ насъ понятіе такое. Подобно сему персты начинающаго учить на какомъ нибудь музыкальномъ орудіи сперва медленно и неопредѣленно движущаяся, но при по-

споянною упражненію гибкость ихъ и проворство увеличивается, а наконецъ безъ всякаго почти усилія и вниманія со стороны музыканша дѣйствуютъ съ удивительною живоспію и точностію.

Щасливѣ, кто съ младенчества занималъ память свою предметами, достойными человека; кто въ младости богаты уже полезными знаніями. Легко для него путь къ просвѣщенію. Но и въ прошивныхъ общешельствахъ должно ли опчаяваться? Никакъ. Потеря велика, однако можетъ быть вознаграждена сугубо. Славный Капонъ (Цензоръ) учился въ лѣтахъ уже совершенныхъ, и превзошелъ многихъ, съ дѣтства науками занимавшихся. Несравненный Петръ образователь великаго народа, образовалъ умъ свой, бывъ на провѣ и въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Въмѣсто того, чѣмъ рошашъ на слабость памяти, надобно прудиться. Тогда съ удивленіемъ увидишь каждый истину сихъ словъ: прудъ и шерифніе все преодолѣваютъ.

О РАЗЛИЧИИ МЕЖДУ ПАМЯТЮЮ, ВООБРАЖЕНІЕМЪ и РАЗСУЖДЕНІЕМЪ.

Память, говоришь Кондильякъ, есть начало воображенія, коего сила еще не увеличилась; воображеніе есть также память, достигшая всей живости, къ коей она способна. И такъ память и воображеніе суть двѣ степеня дѣйствія одной душевной способности. — Если можно сію душевную способность примѣнить къ ногамъ, то, по мнѣнію Кондильяка, ходишь — значитъ памятовашь, а бѣгаешь — воображаешь; ибо что такое ходъ, какъ не самой тихой бѣгъ, и что такое бѣгъ, какъ не самой скорой ходъ? Но кто легко ходишь, тотъ легко и бѣгаешь, напрошивъ сего не всякой при хорошей памяти живое имѣешь воображеніе. Съ худою памятью трудно, почти невозможно здѣлаться ученымъ, не всякой однако ученый вымыслишь Армидинъ замокъ. — Правда, что воображеніе не можетъ существовать безъ памяти, которая снабжаетъ его, такъ сказать, матеріалами не вмѣшиваясь въ распоряженіе ими. Посадишь Юпитера на облако, приславишь къ нему ужасное лицо съ всеркающими глазами, съ длинною, всклокоченною

ченною бородою и дашь ему въ руни перунъ ешь дѣло воображенія; надобно однако, чтобы напередъ память доспавила ему поняшье объ облакъ, бородѣ и пр.

Въ другомъ мѣстѣ Кондальивъ говоришь: когда мы посредствомъ разсужденія замѣшили свойства, коими предметы другъ отъ друга различающся, то симъ же разсужденіемъ можно совокупишь въ одинъ предметъ свойства, разсѣяныя во многихъ. Такъ спихопворецъ, на примѣрѣ, соспавляетъ себѣ поняшье о геробъ, копорый никогда не существовалъ: тогда производимыя поняшья суть изображенія, въ одномъ только умѣ дѣйствительное бышье имѣющія; и разсужденіе, копорое дѣлаешъ сіи изображенія, принимаешъ названіе воображенія. — Теперь можно вывести слѣдующее умозаключеніе: память ешь воображеніе, а воображеніе ешь разсужденіе; и такъ память ешь разсужденіе; что однако для меня сомнительно. Попугай имѣешъ память: онъ можетъ зашвердить, наизустъ слова Французскаго языка, но никогда не поймѣшъ Воссюешовыхъ проповѣдей, и того избыточнѣе, чтобы самъ здѣлался проповѣдникомъ. Я слышалъ отъ охопниковъ, что гончіе во снѣ лающъ, слѣдственно онѣ бредяшъ — можешъ бышь — о зайцахъ, но не думаю, чтобы гончіе разсуждали объ охотѣ, подобно своимъ господамъ. Буцефалу, знаменишѣйшему между лошада-

ми, могло также пригрѣзяться сраженіе при Арбеллахъ, однакожъ онъ не оставилъ историческихъ записокъ о семъ славномъ происшествіи. — Воображеніе и разсужденіе такъ сходны между собою, какъ холодный Генварь и знойный Іюль. Человѣкъ, обуреваемый спраспями, не разсуждаетъ, но слѣдуетъ воображенію. Молодые люди большею частію имѣютъ воображеніе пылкое и неосновательное разсужденіе; прошивное пому видимъ иногда у пожилыхъ. Телемаку нужно было не воображеніе, но разсужденіе Меншора. Первое, не будучи обуздываемо послѣднимъ, подобно быстрымъ огненнымъ колямъ Феба, влечетъ стремительно надъ безднами, зажигая къ чему ни приближись, и несчастный Фаэтонъ, не умѣющій управлять имъ, дѣлается его жертвою. — Однимъ словомъ: я не понимаю, какимъ образомъ глупость, воображеніе и разсужденіе могутъ быть одною душевною способностію, различно только дѣйствующею. Опровергать Кондильяка была бы для меня дерзость непростительная, но сомнѣваться позволено каждому, кто желаетъ научиться размышлять справедливо; въ чемъ, какъ и во всемъ, дѣлательное упражненіе есть одно изъ надежнѣйшихъ средствъ къ успѣху. Сомнѣніемъ я не опасюсь прегнѣвать тѣмъ славнаго сего философа.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОЗЪБУ

къ

АЛЕКСАНДРУ I

**Достойнѣйшаго сына Фельдмаршала
Румянцова-Задунайскаго,**

о дозволеніи ему въ честь отца своего памятникъ воздвигнуть.

Простое воспоминаніе о Задунайскомъ, преславномъ Герое блестящихъ временъ Екатерины, проглаголетъ истиннаго Россіянина. Но какой сладостный воспоркъ долженъ разишья по душѣ читающаго сей образецъ сыновней нѣжности и пламеннаго усердія къ Отецеству? Безъ сомнѣнія объ сіи добродѣтели водили перомъ знаменитаго просителя въ изящномъ изображеніи его изящнаго намѣренія.

«Наждый сынъ въ правѣ воздвигать пышные монументы отцу своему. Меня убѣждаетъ сердце, что когда наровиѣ съ другими коснусь я примѣровъ, не воздамъ Задунайскому ни по заслугамъ, ни по собспвенной обязанности.» — Вотъ слова, начертанныя сыномъ Россіи и сыномъ Румянцова! — Чувствуетъ онъ всю цѣну заслугъ, открывшаго Россіянамъ пайну всегда побѣждать

невѣрныхъ (такъ сказалъ Карамзинъ о Герое Кагульскомъ), чувствуетъ великость, святость обязанности въ общу, даровавшему не одну жизнь, часто бѣдственную, но и способы достигнуть возжеланнѣйшаго блаженства: заслужить особенную довѣренность Монарха, особенное уваженіе согражданъ и въ блеску славы опцовской придашь лучъ славы общественной.

Далѣе говоришь просишель; «слѣдуя папому побужденію, я принялъ на себя пойти другую стезю и въ новомъ видѣ въ честь отца моего памятникъ поставилъ.» — Взглянемъ на монументъ, который считаетъ онъ достойнымъ одного изъ первыхъ Военачальниковъ Россіи, и первого своего благодѣтеля. — Великолѣпіе, искусство не ослабишь, не изумишь насъ, и кто имѣетъ сердце подобное мрамору, иди — удивляйся мраморамъ: памятникъ Задунайскаго шефа не тронешь. Но для чувствительнаго — какое зрѣлище! шесть Русскихъ Офицеровъ, подъ знаменами побѣдѣвшихъ, изъ коихъ, можетъ быть, иной сражался при Кагулѣ, находясь убитыище, покой, довольство подлѣ священнаго праха великаго вождя Россіянъ. Сими почтенными воинами одружается гробъ Задунайскаго въ время печальнаго панихидъ опривленія. — Что величественнѣе и достойнѣе память мужа славнаго? Что способнѣе воспалишь быстраго юношу огнемъ непо-

бѣдимаго мужества и въ самомъ престарѣломъ защитникѣ опечесства пинашь искру геройства, вмѣстѣ съ силами его исчезнушь гошовую? — Древность гордится онымъ пышнымъ, хладнымъ, ничтожнымъ мавзолеемъ! Сромный, живой, благошворный памятникъ сей Задунайскаго, украшая шеперь щасшливый берега Днѣпровскія, украситъ иѣкогда аѣтопись времени нашего. — Да умножатся въ Россіи подобныя монументы! и тогда забудутъ обелиски Египетскіе! — Сіе новое, превосходное изобрѣшеніе, сей порывъ души благородной изображенъ доспойнымъ его образомъ. Крапкость, ясность, простота, благородство, живость и разборчивость въ словахъ и выраженіяхъ попеременно и вмѣстѣ украшаютъ сочиненіе. Оно, состоя въ нѣсколькихъ справахъ, выситъ почтеннѣйшаго шворца своего надъ многими шворцами многихъ шомовъ, огромныхъ своею бесполезностію.

ПРИМЪРЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА СИЛЬНЪЕ ЗАКОНОВЪ.

Правительство есть душа гражданского общества. Ни государство, ни республика, безъ него существовать не можетъ. Благосостояетъ ли народъ, приходитъ ли въ упадокъ: причиною тому, по большей части, правительство. Какія же средства употребляетъ оно для достиженія великой цѣли — оцѣсплавить миллионы людей? — Законы и собственный примѣръ. Что оба сія средства ему необходимы, сомнѣваться въ томъ, не должно. Разсмотримъ, которое изъ нихъ сильнѣе и надежнѣе.

Законъ напоминаетъ намъ, что выгоды общественной жизни покупаемъ мы цѣною независимости своей; примѣръ удовлетворяетъ врожденной намъ склонности къ подражанію; законъ говоритъ разуму, котораго совѣтъ рѣдко намъ пріятны бываютъ; примѣръ дѣйствуетъ болѣе на сердце, коему охотно мы повинемся. Первый, будучи нѣчто опвлеченное, весьма не на долгое время останавливаетъ вниманіе наше, а послѣдній

всегда почти у насъ, шакъ снзашъ, предъ глазами.

Отъ чего произошла у предковъ нашихъ пословица: каковъ Царь, шанова и орда! — она выведена изъ опышовъ многихъ вѣковъ. Издревле были въ Россіи законы, но видно что примѣръ дѣйствоваль сильнѣе, нежели они.

Великіе законодапели чувствовали истину сію. Не упоминая о Ликургахъ и Селевкахъ, скажемъ нѣчто о нашемъ Петрѣ несравненномъ.

Россія, любезное опечештво мое! что пы была до времени Петрова? — Я невѣрю ино-спранцамъ, которые сыновъ швоихъ погдашнихъ уподобляють медвѣдимъ. Хулу они на себя произнослятъ. Однакожъ, если подумаю, какихъ трудовъ стоило Петру засшавить себя возчувствовать силы швои и до-споинство, то могу ли не удивляться грубой швоей простотѣ и невѣжеству.

Петръ преобразилъ Россію; но его могущественная палица не произвела бы, подобно Моисееву жезлу, чуда надъ сею дикою сналою. Не одну власть Самодержапаго Государя употребляль онъ; нѣшъ! онъ соединилъ съ нею волшебную силу примѣра. Часто,

весьма часто видѣли Россіяне въ Петръ не величественнаго Монарха, окруженнаго пышными Министрами, ничливыми Военачальниками, гибкими Царедворцами, но попомъ и пылью покрышаго работника среди грубыхъ, просодушныхъ поварищей его! Такъ Зевесъ, оставя громъ и блескъ божества, снисходилъ на землю въ видѣ смершнаго. Но древнй богъ сей, поделитель боговъ, принимая чловѣческй образъ, принималъ и постыдныя слабости людей. Горе пому, ипо послѣдовалъ примѣру его! Не шаковъ Юпитеръ—Петръ. Онъ былъ богъ и въ порфирѣ, и въ одеждѣ просшаго гражданина, и съ громомъ въ рукахъ, и съ сѣкирою. Чудесною дѣяшельностію сообщалъ всѣмъ опъ Министра до мапроса алекприческую искру божества своего. Когда, возставъ опъ шрона, спановился въ рядѣ съ подданными своими, то въ шемношѣ нивкаго званія его искра сія блиспала ярче, нежели при свѣтѣ Царскаго величія. — На полѣ славы, во храмахъ вѣры и правосудія, вездѣ являлъ онъ собою образецъ совершенства. Робкія науки, призванныя имъ изъ странъ опдаленныхъ въ землю, населемую грознымъ чадами сѣвера, шпомощами невѣжества и оуевѣрія, чувшвовали одобреніе, видя, что могущій ихъ покровитель удоспоявалъ высокимъ своимъ посѣщеніемъ смиренныя еще убѣжища ихъ, и бесѣдовалъ съ ними въ Царскихъ своихъ черто-

гахъ. Така великій, первый Императоръ Россійскій, служилъ подданнымъ своимъ примѣромъ во всѣхъ гражданскихъ добродѣтеляхъ. И что же?—Россія, которая нѣсколько вѣковъ дремала, вдругъ пробудилась и однимъ исполинскимъ шагомъ поравнялась съ значнѣйшими Европейскими Державами на пути ко славіи и просвѣщенію.

ГИМНЪ СЛАВЪ,

ИЛИ

ВОСТОРГЪ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКАГО ПЕРЕДЪ
ПОХОДОМЪ ЕГО ВЪ ПЕРСИЮ.

Слышу гласъ трубный! Се ты зовешь меня
въ слѣдъ за собою; се ты, о слава! сердца
моего единая радость, единая опрада и на-
слаждение; слава жизнь моя, душа моя, бла-
женство мое! Слава! ты первое блаженство
мое; ты кумиръ, которому наиболѣе покла-
няюсь, и въ жертву тебѣ, гошовъ я прине-
сши и миръ весь и себя. Помыслию только о
славѣ, и прелестъ роскошей исчезнетъ. Цѣ-
пи изъ сладостныхъ воспоговъ соспавляли
для меня Сирены, и рай ушѣхъ отверзался
предо мною; цѣпи волшебныя влекли меня къ
себѣ розами, прикрытыя сѣщи ожида и меня,
и усыпленный сладострасными пѣніемъ,
клонился уже я къ обвѣщаніямъ нѣги; но вос-
помянуль вдругъ о славѣ и о величии моемъ
помыслиль. Ужаснулся слабости моей, и
спыдъ наполниль душу мою. Вдругъ солнце
ошъ меня опвращилось и пѣни предковъ
моихъ воспенали: онѣ зрѣли меня въ уни-
чижительномъ забвеніи. Воспылаль огонь на
ланипахъ моихъ; очи мои не познали меня:

ты ли Александръ? вопрошала онъ. Разверзлись небеса, и явилась слава; снишла на златное облако, махнула крылами и облепѣла вселенную. Она опустила завѣсу нощи предъ очи дѣвнвыхъ и грубыхъ; отъ обличенія славы померкли солнца, и непроницаемая мгла вѣчности озарилась. Возгласила подвиги героевъ, и пробудившіеся вѣни внимали ей. Ты низрѣла на меня, и взглядомъ умильнымъ возвратила душу мнѣ, порывъ героисва попрысѣ сердце мое и спремипельная отважность закипѣла въ груди моей; отъ единого на себя возрѣнія, отъ прикосновенія ко мнѣ лучей божественнаго лица шво-его. Низпустилась съ высоты, и явивъ взорамъ моимъ чудесное нѣкое спекло, разрушила очарованіе. Тогда открыла угрожающую мнѣ пагубу и показала сладоспращіе въ истинномъ видѣ его — въ видѣ гнуснато чудовища. Поспыдныя спрасспи спремилась порабощишь меня во время пылкой юности моей, и въ славѣ обрѣла я защищеніе мое. Она вознесла духъ мой и спспавила его превыше подыхъ наслажденій, избравъ меня наперспникомъ своимъ. Слава увѣнчаетъ подвиги мои, по мѣрѣ мужесшва моего увѣнчаетъ ихъ. Съ младенчества возлюбилъ я славу и щцашельно поучался въ наукѣ брани; образцы мои, герои древности, всегда предъ очами моими, и дѣла ихъ возбуждаютъ во мнѣ соревнованіе. Я буду бзсмертенъ съ

ними и сохраню имя мое отъ забвенія; увѣнчаешъ меня слава по мѣрѣ спремленія моего въ ней: ищущему себя лепишь во сръшеніе, и отъ нерадѣщаго о тебѣ сокрываешься. Ты возбраняешь ничтожеству прикасаться въ великодушнымъ и храбрымъ, и велишь алчному чреву его пишашся подлыми и женоподобными; ты возраспишь лавръ мой, о слава! ты малую сѣнь его проспредишь на всю подлунную; шобою преодолѣю коварѣйшаго врага моего, роскошь, и вѣсѣшь съ нею повергну подъ пяту мою презрѣнную рабу ея — Азію. Сіяй, слава, во вѣки! не преспавай блистать и тогда, когда угаснутъ солнца! Божество мое! ты избавляешь меня отъ ужаснаго небытія; ты небу меня усыновляешь! всѣ вѣки почшуютъ любимца твоего; всѣ народы принесутъ ему жершву удивленія. Спремлюсь на поприще твое! Въ концѣ его ожидаетъ меня Мѣръ на колѣнахъ и Безсмертіе на шронѣ.

К О Н Е Ц Ъ .

891.7N145

L

